

Наталья Александрова

Под знаком
череп

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Под знаком черепа

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Под знаком черепа / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ»,
2020 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-121995-6

Вот уже сотни лет не утихают слухи о сокровищах, зарытых капитаном Флинтсом на одном из островов у берегов Африки. То и дело объявляются охотники за удачей, которые утверждают, что имеют достоверные сведения о кладе капитана, и предъявляют карты с отмеченным на них местом тайника. Поговаривают даже, что путь к сокровищам откроется лишь избранному, который найдет золотой дублон знаменитого пирата. Отправляясь вместе с мужем в круизное плавание, Надежда даже не представляла, что окажется в центре борьбы за ключ к мифическим сокровищам. Ей предстоит любой ценой разгадать тайну пиратского клада, ведь от этого зависит ее жизнь... Ранее книга издавалась под названием «Дублон капитана Флинта».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121995-6

© Александрова Н. Н., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Наталья Александрова

Под знаком черепа

Южная ночь сияла мириадами звезд.

Казалось, что на черном бархате неба, как в витрине гигантского ювелирного магазина, разложили тысячи алмазных коле и браслетов, серег и перстней. Но даже у самого богатого человека в мире не хватило бы денег, чтобы купить самое скромное из этих украшений.

Внизу, под сияющим звездным небом, тихо дышал океан.

По его бесконечной поверхности величественно скользил многопалубный круизный лайнер, сверкая огнями кают и ресторанов, казино и концертных залов. В ночной тиши далеко разносились музыка, смех, голоса. Океанская гладь послушно расступалась перед форштевнем огромного корабля и смыкалась за его кормой, оставляя позади пропадающий в темноте фосфоресцирующий след.

На капитанском мостике стоял дежурный офицер Джон Панайотис. Его вахта приближалась к концу. Взглянув на часы и убедившись, что до смены осталось двадцать минут, он посмотрел в темноту впереди по курсу. Ему показалось, что слева по ходу корабля мелькнул какой-то темный силуэт, то ли большая лодка, то ли маленькое рыбацье судно, но это казалось маловероятным: сейчас они проходили так далеко от берега, что вряд ли можно было встретить рыболовную шхуну, не говоря уж о лодке. И в любом случае рыбаки обязательно зажгли бы бортовые огни.

– Тук-тук! – раздался за спиной вахтенного кокетливый женский голосок, и на пороге показалась горничная Нэнси с бокалом в руке. – Вам здесь не скучно, мистер Панайотис? Не хотите ли выпить капельку мартини?

Конечно, это был беспорядок, но Панайотис не был рабом дисциплины. В конце концов круизный лайнер – не военный фрегат, да и Нэнси – очаровательная девушка.

Джон повернулся к ней и протянул руку за бокалом.

В это самое время четыре узкие лодки в полной темноте и тишине подошли к борту лайнера. Гребцы бесшумно подняли весла, с которых падали светящиеся капли. На носу первой лодки поднялся высокий человек в камуфляжной куртке с нашивкой на рукаве. Он, вскинув голову, оглядел борт лайнера, затем поднял руки и сделал несколько широких взмахов, напоминающих морскую семафорную азбуку.

Тотчас на второй лодке вскочил темнокожий парень, вскинул арбалет и выстрелил вверх. Стальная стрела с крючьями на конце взвилась вдоль борта лайнера и зацепилась за поручни фальшборта. За стрелой тянулся тонкий капроновый трос с узелками. Проверив, что трос закреплен надежно, стрелок ухватился за него и ловко, как обезьяна, вскарабкался на шлюпочную палубу лайнера. Там он прикрепил к фальшборту веревочную лестницу и сбросил ее в темноту.

В пятидесяти метрах от него второй человек проделал то же самое, и меньше чем через минуту два десятка вооруженных до зубов парней уже взбирались по лестницам на лайнер.

Служебная дверь открылась, и мужчина в белоснежном кителе вышел на шлюпочную палубу. Увидев возле борта темный силуэт, он строго окликнул незнакомца:

– Матрос, что вы тут делаете?

Тот обернулся, сверкнул белками глаз, изобразил испуг.

– Мистер Джонсон приказал мне проверить крепления шлюпок! – отчеканил он на очень плохом английском.

– Сэр! – строго проговорил офицер. – Вы забыли добавить в конце «сэр»!

Он хотел еще спросить, кто такой мистер Джонсон, но не успел это сделать.

– Так точно, сэр! – ответил матрос на своем ужасном английском, и в ту же секунду неувловимым движением бросил в офицера нож.

Офицер удивленно вскрикнул, схватился за горло и упал на палубу мертвым.

В ту же секунду через борт корабля перевалился первый из тех, кто карабкался по лестнице, за ним – еще один, еще...

Арбалетчик обменялся с ними короткими фразами на непонятном языке, схватил мертвого офицера за ноги и, оттащив его в сторону, накрыл брезентом.

Вооруженные люди разбежались по кораблю.

Надя проснулась внезапно, будто ее выбросило из сна, как волна выбрасывает усталого пловца из моря на берег, на ровный и плотный золотистый песок, усеянный раковинами и темно-зелеными кудрями водорослей.

Она села в кровати и какое-то время не могла понять, где находится. Это была не ее спальня, не ее квартира. Здесь было тесновато, напротив постели висело незнакомое зеркало в пышной позолоченной раме, да и сама постель незнакомая. Тут она увидела справа овальное окно иллюминатора, и до нее дошло – ведь это корабельная каюта, она находится на круизном лайнере, они с Олегом в круизе...

Но тогда где сам Олег?

И еще одно... каюта была незнакомой, их с Олегом каюта казалась поменьше, и в ней не имелось этого вычурного зеркала, и, в довершение ко всему, на самой Наде какая-то незнакомая шелковая пижама, расшитая цветами и бабочками.

И тут она вспомнила вчерашний вечер, свою новую знакомую, вспомнила, как официант пролил на ее платье красное вино, вспомнила...

Она еще многое вспомнила бы, если бы ее не охватила вдруг смутная тревога.

На корабле происходило что-то странное.

Во-первых, молчали машины. Не было их ровного, неумолчного гула, которого почти не слышно, настолько он за эти дни стал привычным, обязательным, необходимым. Как биение сердца. Как дыхание. Собственно, машины и были сердцем корабля, и если они остановились – значит, произошло что-то непоправимое...

Надя прислушалась к доносящимся из-за двери каюты звукам, и тревога ее усилилась.

Испуганные голоса, топот ног, крики... А потом раздался совсем неожиданный звук. Как будто взрывается множество петард – пах-пах-пах... Но откуда здесь петарды? Надя с ужасом поняла, что это была автоматная очередь.

– Что происходит? – проговорила она вслух, и от звука собственного голоса ей стало еще страшнее.

И тут за дверью раздался топот многих ног, и в дверь постучали.

– Откройте, пожалуйста! – проговорил по-английски незнакомый вкрадчивый голос.

Надежда закусила губу, подтянула колени к подбородку, вжалась в спинку кровати.

– Пожалуйста, откройте! – повторил тот же голос и тут же выкрикнул, потеряв терпение: – Открывай, сука! Мы знаем, что ты здесь!

Надя вскочила, заметалась по каюте, бросилась к иллюминатору...

Он был плотно закрыт, как говорят моряки – задраен, за ним виднелось предрассветное море, тускло отсвечивающее зеленоватыми фосфорными отблесками.

На дверь обрушились тяжелые удары, уже несколько голосов наперебой выкрикивали:

– Открывай, сволочь! Хуже будет!

Вдруг удары прекратились, раздалось негромкое женское всхлипывание, и прежний вкрадчивый голос проговорил:

– Вот эту дверь, мисс... уверяю, мисс, вам нечего бояться! Совершенно нечего!..

И тут же дверь с легким шелчком открылась.

В каюте, и так не слишком просторной, стало тесно от ввалившихся в нее людей. Это были чернокожие мужчины в шортах и выгоревших куртках, обвешанные оружием, с блестящими белками глаз. Среди них выделялся один, постарше и посolidнее, с яркой нашивкой на рукаве. Чуть в стороне жались девушка в порванной униформе корабельной горничной, с растрепанными волосами и синяком под глазом. Она всхлипывала, размазывая тушь. Надежда поняла, что эта напуганная девчонка своим ключом открыла дверь каюты.

Впрочем, ей сейчас было не до горничной. Ее обступили чернокожие бандиты, ухмыляясь и плотоядно сверкая глазами, они хватили ее за руки, за грудь. Старший прикрикнул на них, бандиты утихомирились, нехотя отступили, переключившись на горничную. Старший схватил Надежду за плечо, потащил к выходу, проговорил с прежней вкрадчивостью, противоречащей грубости его манер:

– Пойдемте, мисс, с вами хочет поговорить один джентльмен!

– Я никуда не пойду! Я ни с кем не хочу говорить! – бормотала Надя, понимая, что ее слова не имеют никакого значения.

– Пойдешь, сука! – прошипел мужчина и выволок ее в коридор.

Скоро они оказались на прогулочной палубе.

Здесь собралось уже множество пассажиров – полуодетые, перепуганные, растерянные, они толпились, как овцы. А вокруг стояли темнокожие парни с автоматами...

Надя думала, что ее сейчас бросят в эту толпу, однако провожатый отвел ее в другую сторону, втолкнул в гостиную, где по вечерам играл пожилой пианист.

Сейчас в центре гостиной стояла кучка пассажиров – жалкие, униженные, полуодетые люди – мужчины и женщины. Надя узнала величественную английскую старуху, которая занимала каюту люкс на самой фешенебельной палубе, как-то они с Олегом ужинали за соседним со старухой столиком в ресторане, и официант проговорился, что эта женщина из очень-очень известной семьи. При этом он поднял глаза к потолку и постоял так немного, чтобы русская пара прочувствовала серьезность момента. Олег тогда хмыкнул и спросил, что же такая футынуты дама делает в обычном круизе с обычной публикой – с ее-то миллионами. Надя перевела послушно – ее муженек по-английски знал только одно слово – о'кей.

– Кто говорит о миллионах, мадам? – официант поднял брови. – Речь шла о происхождении...

Надю бросило тогда в жар от стыда, она даже не стала переводить Олегу – все равно не поймет.

Сейчас старуха выглядела совершенно невозмутимо и, что характерно, была полностью одета и причесана аккуратно, будто и не ложилась. В ушах были серьги с крупными бриллиантами: старуха носила их всегда, не снимая. На лицо был наложен скромный макияж.

Был в группе еще богатый русский, которого Олег почему-то терпеть не мог. Они частенько встречались в казино, и русский всегда делал очень большие ставки, а если проигрывал, то ни капельки не расстраивался. Олег мучительно завидовал его богатству. При русском находилась его спутница – роскошная девица с умопомрачительными формами. Над грудью и лицом явно поработал пластический хирург, причем очень дорогой.

В отличие от старухи, пластическая девица была явно не в форме. Волосы сваялись в колтун, под глазом размазана тушь, руки тряслись. На ней были полупрозрачный короткий халатик, вымазанный отчего-то мазутом, и вечерние туфли, причем у левой начисто оторвался каблук, отчего девица кренилась на один бок.

Надя посмотрела на свои собственные ноги – она была босиком. Что ж, лучше так, чем без каблука. Она хотела подойти к группе пассажиров, но чернокожий пират грубо ткнул ее автоматом в спину – назад, мол, стой, где стоишь.

Надя пошатнулась и оперлась о рояль.

По вечерам немолодой пианист играл здесь старые песни и подпевал иногда чуть хриплым голосом. В салоне собирались в основном пожилые английские пары, пили легкие коктейли, слушали музыку, немного танцевали. Надя иногда пряталась тут в уголке, когда Олег уж очень выводил ее из себя. Здесь можно было не бояться пьяных шведов, никто не приставал к ней с пустыми разговорами.

Теперь трудно было поверить, что всего несколько часов назад тут было так спокойно и уютно. Атмосфера в салоне была наэлектризована, казалось, малейшая искра может вызвать взрыв.

За дверью послышался шум, раздались выстрелы, и в салон, громко чертыхаясь, ввалились еще несколько бандитов. Один был особенно черным, и глаза его с яркими белками все время вращались сами по себе. Он что-то сказал своим на непонятном языке, те рассмеялись, затем начали обыскивать пассажиров. Когда подошли к старухе, та выпрямилась гневно и отвела жадные руки.

– Прочь!

И вытащила серьги из ушей, бросила их на пол. Тот, страшный, с дикими глазами, рванулся к старухе, хватаясь за автомат. Они постояли, меряя друг друга взглядами, негр отвернулся первым. Серьги подобрал другой. Богатый русский без слов дал себя ограбить, насмешливо поглядывая по сторонам. Его девица пыталась визжать, когда жадные руки обшаривали ее тело, он и бровью не повел.

Весело переговариваясь, бандиты набили деньгами и драгоценностями брезентовую сумку, затем, повинаясь приказу страшного, глаза которого побежали куда-то на лоб и едва не скрылись в волосах, похожих на свалявшуюся шерсть, выскочили из салона, но тут же вернулись, прихватив Надю.

– Но у меня ничего нет... – забормотала она, – совершенно ничего... куда вы меня ведете?

И правда, она осознала, что на ней нет никаких украшений – ни серег в ушах, ни колец на пальцах. Надя не очень любила побрякушки, серьги дорогие были только одни – подарок Олега на свадьбу. И два кольца – обручальное и еще одно, с небольшим бриллиантом. В первый год после свадьбы Олег дарил ей подарки – на день рождения, на Рождество... В круиз она взяла только эти вещи.

Но куда же все это делось? Обручальное кольцо вообще можно было с трудом снять... Все было как в тумане, вчерашний вечер Надя помнила смутно, ночь вообще выпала из памяти, как провалилась. Да и некогда было вспоминать...

На палубе пираты кидали в шлюпки какие-то тюки и сумки, появился главный, который ворвался в каюту к Наде. Он был чем-то озабочен и торопил своих, крича что-то на незнакомом языке. Пираты зашевелились быстрее.

В толпе пассажиров послышались крики и движение, тот страшный заорал что-то, и глаза его едва не выскочили из орбит. Он выстрелил, из толпы послышался стон, люди шарахнулись в сторону. Наде показалось, что мелькнуло лицо мужа, она вырвалась из рук своего конвоира и кинулась в толпу.

– Олег! – кричала она. – Помоги!

Но это был не Олег, просто человек, немного похожий на него. Надю грубо схватили за плечи и выдернули из толпы. Она пронзительно визжала и извивалась, когда ее тащили к борту, она поняла, что пираты зачем-то хотят взять ее с собой. Дикий страх придал ей силы, так что двое здоровых мужчин удержали ее с трудом.

– Ну и стерва... – с досадой пробормотал главный. – Придется тебя нейтрализовать.

У него в руках оказался шприц, Надю кольнуло что-то в предплечье, и она мгновенно потеряла сознание.

Надя проснулась от солнца, бьющего в глаза, инстинктивно прикрыла лицо рукой, села. Она лежала на груди соломы в жалкой хижине с земляным полом и единственным неза-стекленным окном под самым потолком. Через это окно и светило разбудившее ее солнце.

Она была в застиранных шортах цвета хаки и такой же рубашке с короткими рукавами. Это не ее одежда... вчера она была одета совсем иначе...

Надя вспомнила прошлую ночь, пробуждение в чужой каюте, нападение пиратов на корабль. Вспомнила толпу пассажиров, в страхе теснящихся на палубе, темнокожих парней с автоматами. Вспомнила, как ее волокли к лодке, как она кричала и вырывалась, как ей вкололи что-то шприцем...

Выходит, ее похитили пираты? Выходит, это они переодели ее, пока она была без сознания?

Надя представила, как ее трогали чужие грязные руки, и почувствовала отвращение. И вместе с тем – удивление.

Почему пираты похитили именно ее?

Она не богата, за нее вряд ли кто-то заплатит выкуп...

Ее собираются продать в какой-нибудь ближневосточный бордель? Но почему именно ее, и почему только ее? Надежда не обольщалась насчет своей внешности, на корабле было полно женщин моложе и привлекательнее ее. И где, в конце концов, она находится?

Бесконечные вопросы теснились у нее в голове, и ни на один из них она не могла ответить. Она села на своем жестком ложе. Голова не болела и даже не кружилась. Не было звона в ушах, только небольшая слабость да сухость во рту. Как видно, препарат, что вкололи ей перед тем, как бросить в лодку, оказался без побочных эффектов.

Надя встала, подошла к двери хижины, толкнула ее. Дверь заперта снаружи, но казалась на вид такой хлипкой, что ее нетрудно было высадить плечом. Надя поднажала...

И чуть не свалилась, потому что дверь неожиданно открылась, и на пороге хижины появилась толстая чернокожая женщина в длинной цветастой юбке, в хлопчатой кофте, едва не лопающейся на мощной груди, с деревянным подносом в руках. На подносе лежало несколько лепешек, незнакомый фрукт, стоял глиняный кувшин. За юбку женщины держался голый мальчуган лет пяти, грязный палец засунут в рот. При виде Нади он изумленно вылупил глаза.

Женщина поставила поднос на пол и обратилась к Наде с длинной выразительной фразой на незнакомом языке, изобилующем низкими гортанными звуками.

– Не понимаю... – ответила Надя по-английски.

– Есть, – проговорила негритянка на том же языке, и на всякий случай показала пальцем на лепешки, а потом поднесла руку ко рту характерным жестом.

Видимо, она израсходовала весь свой запас английских слов, потому что снова разразилась длинной непонятной тирадой.

Есть Наде не хотелось, но она поблагодарила негритянку и даже вымученно улыбнулась ей – решила на всякий случай попытаться наладить контакт. Во всех американских фильмах советуют так делать.

Мальчишка вытащил палец изо рта, подергал мать за юбку, направил облизанный палец на Надежду и что-то спросил у матери. Та ответила коротко, отвесила ребенку подзатыльник и, повторив свое единственное английское слово – «есть», – медлительно развернулась и направилась к выходу.

Через ее плечо Надя выглянула наружу.

У порога хижины стоял высокий чернокожий парень в длинной красной юбке, с автоматом на плече.

Значит, сбежать будет не так просто.

Да и какой смысл убегать, если она даже не представляет, где находится? Единственное, что она может сказать определенно, что эта хижина расположена на Африканском континенте.

Так что за пределами деревни вполне могут быть хищники – четвероногие и куда более опасные двуногие... Но даже если бы никого не было, куда она пойдет? Как только они ступили на борт лайнера, паспорта отобрали, как объяснили, для того, чтобы удобнее было проходить паспортный контроль в портах разных государств. А пассажирам выдали карточки с фотографиями. «Если заблудитесь в чужом городе, – объяснял гид, – вам следует обратиться к первому же полицейскому, если даже не сумеете объяснить, что потерялись, он по карточке поймет, с какого вы корабля, и вас доставят в порт».

«Очень смешно, – вздохнула Надя, – и где здесь искать полицейского?» Да у нее и карточки-то нет... Вообще ничего нет – ни денег, ни документов. И совершенно непонятно, чего от нее нужно этим черным типам.

Надя опустила на корточки, отломил кусок лепешки, пожевала. Есть не хотелось, но очень хотелось пить. Отпила из кувшина. В нем было теплое перебродившее пиво. Она поморщилась, поставила кувшин, подошла к двери и замолотила в нее кулаками.

Дверь открылась, на пороге стоял тот самый автоматчик в юбке. Он что-то проговорил с угрозой в голосе, снял с плеча автомат, махнул им, как палкой.

– Пить, – проговорила Надя по-английски, – вода.

Парень ничего не понял, снова что-то хрипло выкрикнул, оттолкнул ее и закрыл дверь.

Надя опустила на кучу соломы, прикрыла глаза.

Господи, за что ей это? Нечего сказать – съездила в круиз!

Чтобы хоть немного успокоиться и чем-то заняться, Надя решила вспомнить, как все случилось. Но следовало начать издалека и вспоминать постепенно, с подробностями, тогда она осознает, кто же она такая и как дошла до такой, с позволения сказать, жизни.

Все началось вчера, а кажется, что много лет назад. Только вчера Надя стояла на пустынной палубе и смотрела на море, глотая злые слезы. Нет, ну какой хам! Опять принялся за старое...

Она тут же скривилась, как от зубной боли, потому что перед глазами встало лицо мужа, каким она видела его только что – упрямое, с белыми от злости глазами. После ужина ей хотелось пройтись по палубе, может быть, потанцевать немного, поглядеть шоу. У мужа, однако, были другие планы, он потянул ее в бар. Они уже выпили за ужином бутылку вина, и Надя считала, что ей вполне хватит. Однако согласилась пойти в бар, чтобы не раздражать Олега отказом.

Он заказал крепкий коктейль. Она закусила губу, но сдержалась и даже улыбнулась ему спокойно. Хотя невольно вспомнила, каким отвратительным Олег бывает, когда сильно пьян. А пьянеет довольно легко, хотя ни за что в этом не признается даже самому себе. Нет, он не алкоголик, то есть не опустившаяся деградировавшая личность, и когда работает, вообще не пьет. Но в отпуске...

«Это я так расслабляюсь, – говорит он, – я много работаю, зарабатываю деньги тебе на безбедную жизнь, так могу я, черт возьми, проводить в отпуске время, как мне нравится?»

Ему нравится напиваться каждый вечер и играть в казино. В прошлый раз проиграл приличную сумму. Жутко разозлился и, ясное дело, сорвал злость на жене. А на ком же еще? Орал такое... Хорошо, что машины на корабле все время шумят да двери плотно закрываются, никто его воплей не слышал, а то со стыда сторела бы... Рядом в каюте англичане такие чопорные...

Три дня она терпела – пускай расслабится. Но, в конце концов, ей-то что делать, когда он все вечера торчит в казино? Одной по палубе гулять? Тоже ничего хорошего. Третьего дня пьяный швед привязался, еле отбилась. Олегу побоялась сказать – ее же и обвинит, что хвостом крутит. Это его любимое выражение.

Сегодня утром, как проспался да пива в баре выпил, пришел к ней на палубу извиняться. Она загорала у бассейна. Вроде помирились, обещал, что сегодня проведут они вечер, как она хочет, никуда он не пойдет. И вот, пожалуйста, снова-здорово – сначала бар, потом казино.

Нарочно второй коктейль взял, а увидел, как она дернулась, посмотрел злорадно. Что, съела? И отвали от меня со своими нравами! Не нравлюсь – катись на все четыре стороны! И заржал противно, как жеребец. У него вообще смех неприятный.

– Господи! – Надя не удержалась и сказала это вслух. – И зачем я только поехала в этот круиз?

Не хотела ведь, но дала себя уговорить. Олег очень просил, на коленях стоял, сказал, что, если она откажется, он сожжет путевки. Да горели бы они синим пламенем!

Они здорово поссорились этим летом. Собственно, это он так считал, что поссорились. А Надя-то решила, что это полный разрыв.

Потому что муж поднял на нее руку. Да что там руку, просто избил. В пьяном виде, конечно, потом утверждал, что ничего не помнит. Но ей-то от этого не легче. В общем, утром замазала кое-как синяки, очки темные надела и убежала к маме. А куда еще деться? Мама принялась квохтать, примочки разные делать. А вечером Олег пришел, мать его и впустила. Надя к нему не вышла, в комнате лежала, а они с матерью долго о чем-то говорили. Уж чем он на мать воздействовал, Надя не знает, мать не сказала, а только после той беседы стала она уговаривать дочь к мужу вернуться. Ну, с кем не бывает, это случайность, он обещал, что такое не повторится... Обычные слова говорит, а сама глаза отводит. А потом Олег целое представление устроил с этими путевками. Дай, говорит, мне еще один шанс! Спасем наш брак! В общем, все как в кино.

– И зачем только я согласилась? – снова вздохнула Надя.

Слезы высохли на ветру.

Если на то пошло, думала Надя, то зачем она согласилась вообще выйти за Олега? Мама уговорила – такой случай один раз в жизни выпадает! Чтобы на тебя, совершенно ничем не примечательную девушку, обратил внимание приличный, обеспеченный человек? И правда, Надя звезд с неба не хватала, в школе училась так себе, не давались ей ни математика, ни физика. И с гуманитарными науками – еле-еле на четверку вытягивала. И внешность у нее не слишком эффектная. В детстве мать все вздыхала, на нее глядя, – неужели, мол, дочка моя дурнушкой вырастет? Не бывало в нашей семье такого...

Понемногу Надя и сама уверилась, что ничего в ней примечательного нет, средняя, серая, ординарная личность. И когда школу окончила, ровным счетом ничего не изменилось, платье на выпускной покупали – ничего не подходит, вроде и не толстая, а все сидело как на корове седло!

Это мама так говорила. Дальше вопрос встал ребром – куда пойти учиться? Потому что мама и слышать ничего не желала о том, чтобы Надя работать пошла.

– Что ты можешь? – говорила она. – Профессии никакой нет, руками работать не умеешь. Ни парикмахера, ни маникюрши из тебя не выйдет. А на швейную фабрику я тебя не пушу – еще не хватало! Да и не завидую я тем людям, которые тобой сшитое носить станут!

Это была чистая правда, руки у Нади росли не из того места, пуговицу пришить – и то толком не могла. Но все же хотела она работать, потому что жили они вдвоем с матерью, и та не то чтобы куском попрекала, но напоминала, что она – главная. Но мама гнула свою линию.

– Остается только в торговлю, – говорила она, – продавцом не пушу, ты за три дня проторгуешься, так на меня же еще и навесят.

– Мам, тогда я секретарские курсы окончу, – робко говорила Надя.

– Это чтобы козел-начальник тебя в кабинете лапал? – возмутилась мать. – Нет – и все! Пойдешь в институт, получишь высшее образование, может, за это время поумнееешь!

Как всегда, к делу привлекли Михаила Владимировича. Надя с мамой жили вдвоем, отца Надя не помнила, родители развелись, когда ей было три года. По этой причине мать разругалась со всеми родственниками – и с мужчиной, и со своей стороны. В чем уж там было дело, Надя не интересовалась.

Говоря по-простому, Михаил Владимирович был маминым любовником. Но она называла его мужчиной своей жизни. Собственно, знакомы они были так долго, что утверждение это стало почти верно. Любовник был женат, и встречались они от случая к случаю.

Мама говорила, что Михаил Владимирович – человек с положением и со связями, тут-то они и пригодились. Когда он сказал, что может пристроить Надю в университет, мама молитвенно сложила руки. На филфаке был огромный конкурс, так что Надю с ее небольшим проходным баллом зачислили только на непопулярное албанское отделение. Кстати сказать, до самого поступления Надя понятия не имела, что есть такая страна – Албания. Про нее никто ничего не знал, а отделение организовали давно, когда Албания считалась социалистической.

Было их в группе пять человек, албанскому языку учила очень старая преподавательница.

– Это ничего, – говорила мама, – зато выучишь английский и вообще получишь фундаментальное образование.

Училась Надя средненько, потому что нужно было подрабатывать, да и не слишком ее интересовала учеба. Зато выросла и похорошела. Теперь даже мама не смотрела на нее снисходительно, хотя частенько ворчала. У мамы испортился характер, потому что Михаил Владимирович стал, по ее выражению, от нее отдаляться. Надя рассудила, что ему просто надоело жить на два дома. Он был старше мамы, и ей уже к пятидесяти катило. Но с мамой она об этом не говорила – не хотелось на упреки нарываться, дескать, если бы мать жила одна, то любовник бы давно бросил ту семью и переехал к ней.

Окончила Надя с грехом пополам университет, и, ясное дело, оказалось, что работать идти некуда. Кому нужен албанский язык? Да она и знала-то его кое-как. Зато прилично освоила компьютер, опять же английский... С внешностью тоже наладилось – не красавица, но фигура неплохая, волосы густые, глаза яркие, карие, улыбка...

Ух, как мать ругалась, когда она стала искать место секретаря! А что делать? Не сидеть же и дальше у нее на шее. И так сколько лет впустую потеряла.

Так и попала она в фирму к Олегу.

Сначала у его зама секретарем была, тот дядька невредный оказался, немолодой, хорошо к ней относился, никогда не ругался, когда первое время ляпы она допускала. Приятель сердечный даже у Нади завелся – Димка Курочкин. Так, ничего особенного не было, несколько свиданий, однако даже в отпуск собрались вместе съездить. И тут Надин шеф умер – прямо за рулем на перекрестке. Хватило только сил притормозить – и все, инфаркт мгновенный.

Уж как Надя плакала на похоронах, до того жалко было хорошего человека! Опять же работа, считай, накрылась. Только Олег отчего-то по-другому решил – свою секретаршу противную Викторю уволил, а ее к себе взял. Девчонки ее, конечно, сразу просветили – Олег только что развелся, а раньше женат был на своей бывшей секретарше. Он, мол, такой, ни одной смазливой мордашки не пропустит. Надя про себя решила, что будет строго держаться, в рамках. Димке наказала, чтобы в приемную к ней ни ногой.

Прошло время, Надя привыкла потихоньку. Олег грубоват был, но если ругался, то по делу. Работал много, уставал, а однажды вдруг предложил поехать в ресторан, посидеть.

– А потом? – ляпнула от неожиданности Надя.

– А потом как захочешь... – ответил он.

И Надя представила, как она будет сидеть весь вечер, мучаясь и ожидая конца ужина, когда нужно принять решение. Да какое там решение, все уже решено Олегом, разве она посмеет отказаться? Уволит ведь – не сейчас, так потом. Или самой придется уйти. А если

она поедет к нему, то как утром на работе смотреть ему в глаза? И сотрудники, они же все узнают... Работать, будто ничего не было? Нет, она не сможет, придется увольняться.

– Зачем вы все портите? – вырвалось у нее.

Олег посмотрел удивленно. Тогда все обошлось, но через некоторое время он пригласил ее на дачу к друзьям. Надя снова отказалась под предлогом болезни мамы, та и правда простудилась и лежала с температурой.

Как потом признался Олег, она очень правильно вела свою партию. Завлекала, в общем, мужчину с большим умом. Только Надя об этом понятия не имела.

В конце концов он припер ее к стенке и прямо спросил, в чем дело. Она шарахается от него, потому что он ей противен или дело в том парне, как его... Петухов, Курочкин, Цыпленков... Не он ли причина?

Надя честно ответила, что все дело в том, что Олег – ее работодатель, поэтому либо уж работать, либо роман крутить, а совмещать она никак не может.

– Отлично! – повеселел Олег. – Тогда выходи за меня замуж!

– Что? – оторопела Надя.

– Да ничего! Я на данный момент свободен, ты свободна, если, конечно, тот Петухов...

– Курочкин! – засмеялась Надя. – Да нет, он тут совершенно ни при чем. Но...

– Думай, но недолго! – предупредил Олег. – Я не шучу.

И ушел, даже до дома ее не подвез.

Мама, услышав такую новость, оседлала любимого конька.

– Ты еще сомневаешься? – вопрошала она. – Ты еще раздумываешь? Ты понимаешь, что такой шанс выпадает женщине один раз в жизни? Сколько тебя будут держать секретаршей? После тридцати выпрут пинками! И куда ты пойдешь? Бухгалтером в нашу жилконтору? Регистратором в участковую поликлинику? У тебя же нет профессии!

– Зато у меня есть высшее образование! – не стерпела Надя. – Твоими заботами!

– И чем тебе не нравится Олег? – не слушая, продолжала мама. – Приличный, обеспеченный, не урод, не калека... замуж зовет... А кто у тебя на примете? Этот, вихрастый... да у тебя приличного мужчины отродясь не было!

«У тебя тоже», – хотела сказать Надя, но прикусила язык.

Ей стало жаль маму – в конце концов, она и правда мешает устроить матери личную жизнь. Во всяком случае, мама так думает.

Она привыкла к Олегу, он был нежадный, засыпал ее подарками, свозил в Таиланд и в Египет. Медовую неделю они провели в Италии.

Потом начались будни. Олег много работал, это верно. Ее он, ясное дело, с работы забрал сразу же. В первое время Наде было не скучно заниматься собой и хозяйством, потом надоело. Олег приходил поздно, усталый и злой, что-то у него там не ладилось. Ей он ничего не рассказывал – меньше знаешь, крепче спишь. И запретил появляться на работе и сплетничать с бывшими подружками – какую, сказал, с тобой увижу – тут же уволю!

Прошло полгода, Надя заговорила о ребенке. И тут натолкнулась на каменную стену. Нет, твердо сказал муж, ребенка не нужно. Почему? Потому! После, может быть... Но когда? Не скоро!

До нее у него было две жены, детей не имелось ни от одной. Надя все заводила и заводила разговор о детях, пока муж не устроил страшный скандал. Он орал на нее и обзывал такими словами, что ей стало плохо. И смотрел белыми от ненависти глазами. С тех пор она стала его по-настоящему бояться.

Олег стал меньше бывать дома в выходные. Обнаружились у него приятели, с которыми он предавался чисто мужским развлечениям: летом – рыбалка, зимой – баня. Все бы ничего, но пахло от него иногда чужими пряными духами, и волос рыжий, бесстыжий, нашла она на воротнике рубашки. У Нади волосы темные, длинные, густые, не ее был волос. Она не стала

ничего мужу говорить – он бы только рассмеялся. И отрицать ничего бы не стал – ну да, а что такого? Ревновать вздумала к девкам, которых в баню зовут? Да ты с ума сошла... Жена – это жена, а девок этих пруд пруди, на рынке пучок пяточок...

Надя не ревновала, ей было противно.

Дома немого стало сидеть, Надя заговорила о работе.

– И куда пойдешь? – обманчиво спокойным голосом поинтересовался муж. – В секретарши снова?

– Ну... – растерялась Надя, но было уже поздно.

– Хвостом перед начальником мести? – загремел Олег. – Скучно тебе? Б... ва не хватает? Не ценишь хорошего отношения?

Дальше пошел сплошной мат. Наслушалась Надя о себе такого, чего и представить не могла в страшном сне. Вот как, оказывается, он о ней думает...

Ушла в спальню, порыдала в подушку, утром Олег встал как ни в чем не бывало – извини, говорит, вчера немного погорячился, но работать ты не пойдешь.

И с тех пор все у них стало совсем плохо. Муж придет поздно, а ей и смотреть на него не хочется. Он со своей стороны тоже недоволен – рожу твою кислую видеть, кричит, уже не могу, достала хуже горькой редьки! Пить стал еще больше, а однажды пришел злой, да и напустился на Надю. Она ответила – надоело отмалчиваться да оскорбления слушать. Вот тогда он ее и избил.

Как глянула Надя на себя в зеркало утром, так и поняла – все, кончилось ее терпение. И убежала к маме. А куда еще идти?

Да только мама не больно ей была рада. Она за два года Надиного замужества, по ее же собственному выражению, упорядочила свою жизнь, теперь Михаил Владимирович приходил два раза в неделю – строго по средам и пятницам, в остальные дни мама жила в свое удовольствие в тихой и чистой квартире.

Разумеется, взрослая дочь была ей совершенно некстати, оттого и уговаривала она Надю вернуться к мужу. И Надя согласилась скрепя сердце. И вот что из этого вышло.

Надя представила себе лицо Олега, как он смотрел на нее белыми от ненависти глазами, и снова вскипели злые слезы. Ну, можно ли быть такой доверчивой?

«Все, – подумала она, – теперь все. Пора кончать».

Она вытерпит оставшиеся несколько дней до конца круиза, не станет ни в чем перечить Олегу, вообще не будет с ним разговаривать. А как только вернется, она уйдет. Никому ничего не скажет, уйдет тайно. Даже маме звонить не будет, чтобы не отговаривала. Ничего не возьмет, только одежду, все его подарки оставит.

Олег орал как-то, что, если разведутся, она ничего от него не получит. Взял, говорит, тебя голой, голой и уйдешь. Она ни на что претендовать не может – детей у них нет, квартира куплена им до брака, машина, на которой Надя ездит, оформлена на его фирму. А если цапки золотые взять, то он, скотина такая, еще способен полицию на нее натравить, скажет, что обокрала. Так что к адвокатам и соваться нечего, только последние деньги зря отдашь.

Деньги с карточки поскорее снять, а то он, небось, заблокирует ее сразу, да еще у нее отложено кое-что – так, на черный день. Этого хватит, чтобы квартиру снять на несколько месяцев. И сразу же искать работу – какую угодно, но чтобы с Олегом ненароком не столкнуться. Он как-то пообещал, что Надю никуда не примут, он уж позаботится, распишет ее такими красками... Сволочь!

Надя вытерла рукой слезы.

– Ну-ну, – послышался сзади насмешливый и немного странный голос, – так не годится...

Надя обернулась сердито – неудобно было, что застали в такой неподходящий момент. Перед ней стояла молодая женщина – довольно высокая, стройная, темно-красное открытое платье облегло ее, как вторая кожа. Темные волосы свободно лежали на плечах красивой

волной, губы насмешливо улыбались. Вот интересно, у Нади тоже волосы густые, длинные, но здесь, на корабле, при постоянном сильном ветре, они совершенно не лежат. Треплются, лезут в глаза, приходится закалывать их гладко.

Женщина подошла ближе. Надо же, каблук высокие, а подкралась неслышно.

– Я говорю – не годится стоять тут одной и плакать, – повторила женщина, – у вас ничего страшного не случилось.

– Откуда вы знаете? – против собственной воли Надя вступила в разговор.

Она повернулась и взглянула на женщину в упор. Интересная и богатая. Платье красивое, туфли дорожные, сумочка... Надя и сама одета очень прилично – выбирала в круиз самую лучшую свою одежду, но до этой девицы ей далеко. Тут Надя сообразила, отчего голос незнакомки кажется ей странным – в нем присутствовал легкий иностранный акцент.

– Ну да, я русская, только в третьем поколении, – усмехнулась та, – слышали что-нибудь про эмигрантов первой волны?

– Это которые уехали из России после революции... – неуверенно сказала Надя.

– Они самые, мой прадед приплыл на корабле через Константинополь, потом женился в Париже на русской... А, – незнакомка махнула рукой, – теперь это уже такая далекая история! Но я благодарна моей бабушке, она буквально заставила меня выучить русский. И теперь мы можем спокойно беседовать...

Надя совершенно не была настроена на светскую беседу, очевидно, эта мысль явственно отразилась у нее на лице, потому что незнакомка рассмеялась.

– Не считите меня назойливой, но я случайно подслушала ваш разговор с мужем. Вы расстроились, но, ей-богу, не стоит обращать внимание на такие пустяки. Как это говорится – наплевать и забыть!

Надя невольно рассмеялась, до того забавно проговорила незнакомка эти слова.

– Вот, так-то лучше! Зачем лить слезы, в море и так много соленой воды! Тебя как зовут?

– Надя, Надежда... – Наде начинала нравиться эта женщина.

– Да что ты! – та всплеснула руками. – А ведь я тоже Надежда... В честь той самой прабабки, которая с прадедом положила начало французской ветви нашей семьи! Только по-французски я Надин... Слушай, тезка, мы просто обязаны выпить за встречу! Тебя, я так понимаю, муж не ждет?

– Куда там... – пригорюнилась Надя, – теперь до закрытия казино там проторчит...

– Значит, время у нас есть! Идем! – Надин решительно подхватила ее за руку.

Надя пошла за ней с охотой – внезапно и впрямь захотелось света и веселья, и шумных разговоров, и музыки. Ее новая знакомая права – хватит лить слезы. Она приняла решение, так что ей мешают пока проводить время с приятностью? Олегу не в чем ее упрекнуть – она не клеит мужиков, не кокетничает, просто выпьет немного с этой Надин.

По французской привычке тараторя без умолку всю дорогу, Надин привела ее в небольшое уютное помещение на пятой палубе. Играла музыка, какое-то ретро, за стойкой переливались разноцветные огоньки, там хозяйничал седовласый бармен с серьгой в ухе.

Столики стояли в полунишах, так чтобы соседи не мешали друг другу. Публики было не так чтобы много – на корабле достаточно мест, где можно провести вечер.

– Я здесь еще не была. – Надя с любопытством огляделась. – Ого, даже танцевать можно...

На пяточке перед стойкой танцевала немолодая пара – церемонно и неторопливо.

– Сейчас мы выпьем вина, – Надин махнула официанту, – но тут подают и еду...

– Спасибо, я ужинала.

Официант принес карту вин, Надин быстро затараторила по-французски. Надя уловила слово «руж», потом «бордо», затем пошли специфические – «медок», «шато-пейрак»...

Она больше любила белые сухие вина, но решила не спорить с новой знакомой – ведь та живет во Франции, а всем известно, что французы лучше всех в мире разбираются в винах.

Официант ушел, получив заказ, Надин достала длинную темную сигарету из пачки и прикурила от красивой золотой зажигалки с вензелем «NT».

– Надин Турнель, – пояснила она, поймав взгляд Надежды, – это по мужу.

– Ты замужем была? – как-то незаметно они перешли на «ты».

– А, два раза! – Надин махнула рукой. – Но это не предел, а только начало...

Надя невольно рассмеялась. Ей стало вдруг тепло и весело. И все нравилось в этом баре. Она улыбнулась бармену за стойкой, и он подмигнул в ответ. Просто так, по-хорошему.

– О, вот и вино! – Надин едва не захлопала в ладоши.

Официант откупорил бутылку.

– Силь ву пле, мадам! – сказал он, кружа у стола в такт музыке. – Прошу!

И налил рубиновое, искрящееся в свете огоньков у барной стойки вино в два бокала. И ловко крутанул бутылку вокруг своей оси. И поймал. Точнее, только хотел поймать ловким движением. И даже поймал, но не то корабль дрогнул, не то официант просто споткнулся на ровном месте, но бутылка неожиданно выскользнула из его рук. Он успел ее подхватить, но длинный темно-красный шлейф потянулся за ней и опустился на Надю. На ее новое дорогое платье цвета опавшей листвы. Или темного старинного золота.

С ужасом глядя на расплывающиеся пятна, Надя почувствовала, что пол уходит у нее из-под ног. Господи, какое было бы счастье упасть в обморок и ничего этого не видеть!

Но судьба не предоставит ей такой милости.

– Вы... – сердито заговорила Надин, – вы... вы просто медведь какой-то! Дикий медведь!

– Но мадам... – растерянно забормотал официант, – я не...

Надя почувствовала, что глаза заволокли слезы. Совершенно новое платье, дорогущее, специально купила в круиз. Теперь оно пропало, никакая химчистка не возьмет...

В конце концов, черт с ним, но надо же как-то добраться до каюты. Она представила, как долго пробирается по кораблю, как встречные оглядывают ее, кто с любопытством, кто с фальшивым сочувствием, как Олег выскажет ей все утром – мол, меня в пьянстве упрекала, а сама так назююкалась, что вино на платье вылила. На мои, между прочим, денежки купленное. Да, нечего сказать, хорошо провела вечер, поболтала с подружкой...

– Не волнуйтесь, мадам... – официант пытался промокнуть пятно салфеткой, – это нелепая случайность...

– Молчать! – Надин вскочила и топнула ногой. – Отойдите от нее, бегемот неуклюжий! Кто только принимает таких остолопов на работу? Не плачь, дорогая, – она ласково склонилась к Наде и заглянула ей в глаза, – помни о том, что в океане и так достаточно соленой воды! Мы решим эту проблему!

– Но как? – простонала Надя, отпихивая бесполезно суетившегося вокруг официанта.

– Пошел вон! – рявкнула Надин. – И денег не получишь! Мон шер, мы сейчас пойдем ко мне... Это совсем близко, только спуститься...

Надя и опомниться не успела, как новая знакомая обняла ее, прижалась крепко и повела за собой.

– Ничего не заметно, – шептала она, – просто идут две подружки...

Она увлекла Надю в самый конец коридора, открыла непримечательную дверь без надписи, там оказалась узкая, довольно крутая железная лестница.

– Осторожно, не упади... – приговаривала она, ловко спускаясь на своих каблуках, – ох, уж эти моряки, никакого комфорта!

Снова отворила дверь, и теперь они оказались в просторном коридоре, устланном ковром. В коридор выходили двери кают. Надя с трудом сообразила, что они не на той палубе, где находится их с мужем каюта, здесь все гораздо круче.

– Вот и пришли... – ворковала Надин, – видишь, никого не встретили, никто нас не заметил...

Войдя в каюту, Надежда огляделась. Ничего особенного, попросторнее, конечно, чем у них с Олегом, побогаче обставлено, кровать пошире, зеркало висит напротив. Рама золоченая, как-то эта пышность не вяжется с каютой корабля.

Надин уже рылась во встроенном шкафу.

– Вот, держи! – Она бросила Наде шелковую пижаму, там цвели хризантемы и летали бабочки. – Снимай платье, мы отдадим его в срочную чистку, пока пятно не высохло, есть надежда, что все отойдет! Я договарюсь!

Не дожидаясь ответа, она выхватила из Надиных рук платье и исчезла в коридоре. Надя облачилась в пижаму и присела на кровать. В конце концов все оказалось не так страшно. С помощью Надин все быстро уладится. Вот как надо относиться к жизни! Не лить бесполезные слезы, а бороться.

Надя вскинула голову, и от этого резкого движения заколка выскочила из волос. Надя встала и пошарила по кровати. Куда же она подевалась? Заколка была серебряная, с восточным орнаментом, когда-то муж купил ее для Нади в Таиланде. Ничего особенного, но все же серебро... Да и волосы хорошо держит.

Надя потрясла покрывало, подняла подушку – ничего. Пришлось лезть под кровать. Тоже на первый взгляд ничего, только пыль, плохо убирают. Надежда провела рукой по плинтусу и едва не вскрикнула от боли – вот она, заколка, надо же, куда завалилась. Она наскоро закрутила волосы, прихватила заколкой.

Надин вернулась удивительно быстро, Надя едва успела прибрать разоренную постель.

– Все устроилось! Нужно подождать совсем немного! – весело сказала она.

– Спасибо, – пробормотала Надя. – Просто не знаю, что бы я без тебя делала...

– А теперь обязательно нужно выпить, чтобы снять стресс! – объявила Надин и вытащила из ящика туалетного столика маленькую позолоченную фляжку.

– Это мартель! – Она подмигнула Наде. – Как это у вас говорят – тяпнем?

– Да не надо... – слабо сопротивлялась Надя, она не любила и не пила крепкие напитки, – зачем...

– Обязательно надо! – с жаром убеждала Надин. – Ты взбодрись, глаза будут блестеть, появится желание жить! А то ты вся поникшая, как вчерашняя роза в петлице!

С этими словами она подала Наде маленький металлический стаканчик.

– Пей!

Надя вдохнула. Пахло, несомненно, спиртным. Но было в запахе еще что-то – пряное, сильное, недоброе...

– Пей залпом! – приказала Надин. – Как водку!

Надя хотела сказать, что водку она не пьет вообще, а коньяк полагается пить маленькими глоточками, грея в руках пузатый бокал, но рука ее сама поднесла стаканчик к губам.

Пищевод будто обожгло огнем. В первый момент окружающие предметы стали гораздо четче и ярче, Надин показалась ослепительной красоткой. Надя рассмеялась и подошла к зеркалу.

– Мне идет твоя пижама! – сказала она. – И размер подходит...

– А мы с тобой вообще похожи! – Надин встала рядом и подобрала волосы так, чтобы открылась длинная шея. Тотчас лицо стало строже, черты тверже.

И правда – глаза, волосы, поворот головы, все было у них почти одинаковое. Надин более субтильная, быстрая в движениях и без каблучков чуть ниже Нади ростом. Они встретились глазами в зеркале, и вдруг четкость ушла, и Надя слегка пошатнулась.

– Что это со мной? – едва выговорила она непослушными, одеревеневшими губами.

– О, ты устала! – засуетилась Надин. – Приляг, приляг вот сюда... – Она подтолкнула Надю к кровати. – Полежи, отдохни, все пройдет, коньяк для тебя слишком крепкий...

– Я же говорила, – Надя пыталась встать, – я лучше пойду...

Отчего-то ей вдруг захотелось оказаться далеко отсюда, лучше дома, но если нет, то хотя бы в собственной каюте. И пускай даже Олег будет рядом...

– Нет, нет, куда же ты пойдешь... – стрекотала Надин. – И платье еще не готово... Ты должна поспать...

Надя хотела резко сказать, что не собирается спать в чужой постели, но осознала себя лежащей на кровати, а Надин заботливо подтыкала покрывало. Перед тем как окончательно вырубиться, Надя заглянула в глаза Надин. И не увидела в них прежнего веселого и легкомысленного выражения. Теперь взгляд был сосредоточенный и внимательный. И нетерпеливый. Так энтомолог наблюдает за засыпающей бабочкой – скорей бы заснула, наколоть ее на булавку, пронумеровать да идти по своим делам, время дорого...

Больше Надя ничего не помнит, очнувшись она в каюте Надин от непривычной тишины – корабельные машины встали. И к ней начали ломиться эти вооруженные до зубов уроды. И все завертелось, так что не было времени подумать.

Если Надя спала в каюте Надин, то куда подевалась сама Надин? И с чего это ей вздумалось так разоспаться?

Она в круизе спала плохо – нервничала из-за Олега, да еще эта качка... Не спяну же, в самом деле... Выпила-то два глотка коньяка этого треклятого, и что там эта Надин намешала...

Вот именно. Надя вздрогнула, вспомнив последний взгляд Надин – злой и нетерпеливый – давай, мол, вырубайся уж, недосуг с тобой возиться...

Господи, ну надо быть такой идиоткой, чтобы пойти куда-то с первой встречной! Надя же понятия не имеет, кто такая эта Надин. Прилепилась к Наде, по образному выражению Олега, как банный лист к пятой точке... И куда же все-таки она делась ночью? Надя спала в ее каюте, а она где?

И хоть от голода и жажды сейчас Надя плохо соображала, все же какая-то мысль промелькнула в ее голове, но мысль эта была настолько дикой, что Надя даже не сумела ее удержать.

Солнце переместилось, спрятавшись за высокую пальму.

Вдруг дверь хижины снова открылась, в нее вошел тот человек, который минувшей ночью вломился к ней в каюту.

– Как вы устроились? – спросил он по-английски, окинув взглядом хижину.

– Вы что – издеваетесь? – зло проговорила Надя. – Скажите лучше – что вам от меня нужно?

– Ну-ну, не горячитесь! – Мужчина криво усмехнулся. – Нам с вами ни к чему ссориться!

– Ссориться? – Надя задохнулась от возмущения. – Вы меня похитили, притащили в какую-то африканскую дыру... по-моему, это не называется ссорой! Это называется преступлением!

– Ну-ну! – Мужчина поморщился. – В этих краях другое представление о том, что такое преступление! Давайте скажем иначе: вы попали в затруднительное положение, но только от вас зависит, чтобы все это закончилось как можно быстрее!

– От меня? – переспросила девушка. – Что здесь зависит от меня? Я всего лишь пленница...

– Сейчас вы поговорите с одним человеком, и если он будет удовлетворен, вы очень скоро вернетесь домой!

«Врет, – подумала Надя, вспомнив, как он орал на нее на корабле, – все врет, станут они замораживаться с моим возвращением. Если я им не нужна, они просто меня убьют...»

Осознав это, она не впала в дикую панику, очевидно, исчерпала весь запас страхов еще ночью.

Ее провожатый открыл дверь, жестом пригласил Надежду следовать за собой и вышел из хижины.

Надя с отвращением всунула босые ноги в грязные разношенные кроссовки, что стояли у входа, и поспешила за ним.

Хотя она и не ждала ничего хорошего, но ей казалось, что в ее положении любые перемены будут только к лучшему. Во всяком случае, появится какая-то определенность...

Выйдя из хижины, она огляделась.

Снаружи было еще жарче, чем в хижине. Жара давила на деревню, как тяжелая каменная плита. Надя оказалась на деревенской площади с пыльной, плотно утопанной красноватой землей. Вокруг этой площади стояло примерно два десятка таких же глинобитных хижин, как та, из которой Надя только что вышла. Все эти хижины были покрыты крышами из выгоревших пальмовых листьев. Между хижинами валялись и бродили десятки тощих собак и несколько облезлых черно-белых коз, среди них слонялись без дела голые чернокожие дети. Увидев Надежду, они удивленно уставились на нее и подошли ближе. Автоматчик, который шел следом за Надей, сердито прикрикнул на них, но дети не обратили на его окрик внимания.

Надя замедлила шаги, оглядываясь. Автоматчик нагнал ее, что-то зло проговорил и замахнулся автоматом.

– Да ладно, иду, иду! – отмахнулась девушка и неохотно прибавила шаг.

Обойдя ряд хижин, Надежда и ее провожатые оказались на узкой тропинке, проложенной между двумя рядами колючего кустарника. Эта тропинка сделала крутой поворот и вывела их к длинному приземистому строению с железной крышей. На этой крыше сидела большая темная птица, похожая то ли на ворону, то ли на крупного попугая. При появлении людей эта птица лениво, хрипло каркнула, расправила пыльные крылья, взлетела и исчезла в зарослях.

Рядом с приземистым строением стояла машина – темно-синий внедорожник.

Главарь пиратов подошел к крыльцу, вежливо постучал. Дождавшись ответа, открыл железную дверь и втолкнул Надю внутрь, сам же остался за дверью.

Она оказалась в большом полутемном помещении. По стенам стояли какие-то ящики и коробки, под потолком медленно вращались лопасти подвесного вентилятора. У дальней стены стоял рабочий стол, за ним в глубоком плетеном кресле сидел белый мужчина средних лет в камуфляжной рубашке с короткими рукавами и таких же шортах. Похоже, в этих краях так одевались все, кто вообще носил одежду. Волосы у незнакомца были длинные и совершенно белые – не седые, а именно белые, женщин с такими волосами называют платиновыми блондинками.

Блондин поднял глаза на Надежду и проговорил по-английски:

– Ну, здравствуйте, Надин!

– Откуда вы меня знаете? – огрызнулась Надя. – Насколько я помню, мы с вами прежде не встречались.

Отчего-то этот мужчина вызвал у нее жуткую антипатию, умом она понимала, что не в ее положении грубить и ругаться, но ничего не могла с собой сделать.

– Это неважно, – отмахнулся мужчина. – Я знаю о вас довольно много. Я знаю, что вы натворили во Франции, я проследил ваш путь до Александрии, я вычислил этот круиз, где вы купили каюту в последний момент. Вы зря надеялись, Надин, что сумеете меня провести. У меня большие возможности, вы даже не представляете, каковы они. И мое время стоит довольно дорого. Так что сейчас я хочу получить от вас простой и ясный ответ: где он?

– Кто? – переспросила Надя.

– Ответ неверный. – Ее собеседник поморщился. – Будет лучше, если вы поймете: вы сейчас не в Марселе, не в Александрии и даже не в Найроби. Здесь нет ни адвокатов, чиновников из консульства, ни полицейских. Здесь вообще нет никакой власти. Здесь вам никто не

поможет, кроме меня. Вам со мной лучше не ссориться, иначе я просто уеду, а вы останетесь в полном распоряжении здешних молодчиков. Знаете, что они делают с белыми женщинами?

Мужчина выразительно замолчал, пристально разглядывая Надю. От этого взгляда, и особенно от этого молчания, ей стало по-настоящему страшно.

Дав ей возможность переварить его слова, мужчина невозмутимо продолжил:

– До сих пор с вами обращались прилично. Если говорить прямо – вас даже пальцем не тронули. Но это вовсе не потому, что вы попали в руки особенно воспитанным пиратам. Это потому, что я здесь имею некоторый вес. Я веду с этими людьми кое-какие дела, и они относятся ко мне как к ценному партнеру. Но как только я потеряю к вам интерес и уеду, ваше положение моментально изменится... В общем, я советую вам ответить на мой вопрос. Где он?

– Да о чем вы говорите? – выкрикнула Надя, чуть не плача.

Вся ее бравада исчезла. Она готова была ответить на любой вопрос, но просто не знала, о чем ее спрашивают. О чем или о ком. Но этот беловолосый не шутит, он вполне способен отдать ее на растерзание своре черных бандитов.

– Значит, Надин, вы не хотите вести со мной честную игру! – печально проговорил ее собеседник. – Прискорбно! Очень прискорбно! Кажется, вы все еще не осознали серьезность своего положения! Если вы рассчитываете на своих друзей – очень зря: они даже не знают, где вы находитесь. А если бы и знали, вряд ли рискнули бы сюда сунуться, здесь слишком опасные места... Хотя о чем я говорю? У вас, Надин, нет друзей, вы предпочитаете действовать самостоятельно, находите себе помощников по ходу дела. Вы прекрасно умеете манипулировать людьми, у вас к этому талант. Видите, как много я про вас знаю?

– Но я... – заговорила Надя, но тут же какая-то сила заставила ее буквально прикусить язык.

Ее собеседник внимательно посмотрел ей в глаза, но ничего там не увидел.

– Ладно, – с угрозой проговорил он, – я думаю, что вы все еще находитесь в состоянии стресса, поэтому не можете правильно принимать решения. Я дам вам немного подумать. Но чтобы вам лучше думалось, чтобы у вас не было лишних иллюзий, я попрошу своих местных друзей поместить вас в менее комфортабельные условия...

– В менее комфортабельные? – переспросила Надя, с содроганием вспомнив ту жалкую хижину, в которой оказалась этим утром. – Куда уж хуже?

– Скоро узнаете! – проговорил ее собеседник и нажал кнопку на столе.

Тут же дверь распахнулась, и в помещение, угодливо согнувшись, вошел главарь пиратов.

Белый мужчина что-то сказал ему на незнакомом гортанном языке, пират кивнул, глаза его блеснули. Он подошел к Наде и грубо схватил ее за плечо.

– Убери руки! – выкрикнула девушка и попыталась вырваться.

Однако пират не обратил на ее слова никакого внимания. Казалось, он вообще перестал понимать английский язык. Он выволок упирающуюся Надю на крыльцо, сказал что-то сопровождавшему их автоматчику. Парень грубо захохотал, закинул автомат за спину и, ткнув Надю в бок, разразился длинной непонятной тирадой.

На этот раз девушку повели не в сторону деревни, а в джунгли.

Узкая тропинка извивалась среди колючих зарослей. Пару раз Наде показалось, что в кустах возле дороги раздался какой-то подозрительный шорох, но она предпочла не думать о его причинах.

Наконец тропинка вышла на круглую поляну, окруженную зарослями, и закончилась.

Казалось, на этой поляне не было никакого жилья и вообще ничего, заслуживающего внимания, но Надежду явно вели именно сюда.

Оказавшись в центре поляны, она поняла, в чем дело.

Здесь, среди высокой травы, была выкопана глубокая яма около полутора метров в диаметре, сверху закрытая тяжелой деревянной решеткой. Автоматчик отодвинул засов, откинул

решетку и подтолкнул Надю к краю ямы. Она заглянула вниз и в страхе попятилась. Ей показалось, что на дне ямы лежало, свернувшись, какое-то животное.

Главарь пиратов что-то сказал на своем языке. Автоматчик обвязал Надежду веревкой и, придерживая за эту веревку, толкнул в яму.

Девушка едва успела перевести дыхание, как веревку вытянули наверх, а решетку опустили на прежнее место. Пират склонился над ямой, проговорил что-то издевательское на своем языке и исчез.

Наступила тишина.

Надежда испуганно взглянула на то, что сверху приняла за животное.

Это была груда тряпья. Однако как только пираты удалились, эта груда пошевелилась, и из нее выглянул глаз.

Надя вскрикнула и отступила как можно дальше, вжавшись спиной в глинистую стену ямы.

– Не бойтесь, леди, – раздался вежливый мужской голос. – Добро пожаловать в эти скромные апартаменты. К сожалению, не могу предложить вам выпить. Честно говоря, все отдал бы за стаканчик виски!

Тряпки упали, и из них появился мужчина.

Он был белый, хотя загорел до черноты и не брился по меньшей мере неделю. Он был, как и все здесь, в защитных шортах и рубашке, но то и другое изорвано в клочья и загрязнено до предела. Однако говорил он на хорошем английском языке.

– Кто вы? – спросила Надя, немного успокоившись.

– Патрик Кеннеди, – ответил тот, церемонно поклонившись. – Из лондонских Кеннеди. К вашим услугам, леди. Сожалею, что вынужден принимать вас в такой скромной обстановке, но надеюсь в будущем загладить этот грех...

– Хватить выпендриваться! – раздраженно проговорила Надя. – Мы не на приеме в посольстве!

– Совершенно верно, – вздохнул англичанин. – Мы с вами в самой настоящей заднице, но я пытаюсь не опускаться. Это все, что мне остается. Знаете, Киплинг, бремя белого человека и все такое...

Надя осторожно уселась на груду истлевшей соломы, сдвинув ее подальше от этого странного человека, который изъясняется, как в романах девятнадцатого века. Судя по речи, он и правда англичанин. Но явно чокнутый. Или сдвинулся тут в одиночестве.

– Лучше скажите мне, где мы находимся, кто эти люди и чего от нас хотят.

– Думаю, что знаю не намного больше вашего, – вздохнул англичанин. – Я плыл на своей яхте, они захватили меня ночью, привезли в эту деревню и держат здесь уже две недели, дожидаясь выкупа...

– Выкупа? – переспросила Надежда. – Вы богатый человек? За вас есть кому заплатить выкуп?

– Ну, мне трудно назвать себя богатым, когда в мире есть такие люди, как Билл Гейтс или Уоррен Баффет. Но вообще у нашей семьи есть какие-то финансовые возможности, и я надеюсь, что рано или поздно меня выкупят. Хотелось бы, конечно, чтобы это случилось скорее, а то здесь не слишком уютно. Кстати, я думаю, вы тоже не официантка. Эти люди кого попало не похищают...

– Вот тут вы ошибаетесь! – возразила Надя. – Я и правда не официантка, но и не богата. Вряд ли кто-то заплатит за меня, и честное слово – я не понимаю, почему они меня похитили. Могу только думать, что они меня с кем-то перепутали.

Тут она вспомнила, что не назвала свое имя, и проговорила:

– Меня зовут Надя... Надин...

Она сама не поняла, почему назвала имя в такой форме, оно у нее само вырвалось.

– Рад нашему знакомству! – церемонно проговорил англичанин. – Сожалею, что оно произошло при таких обстоятельствах...

– Да хватит расшаркиваться! – оборвала его Надя. – Но, раз уж вы такой джентльмен, не найдется ли у вас для дамы глотка воды?

– О, конечно! – Англичанин разгреб сваленные в углу лохмотья и достал глиняный кувшин с отбитым горлышком, внутри которого плескалось немного воды.

Вода была затхлая и тепловатая, но Надя с жадностью припала к кувшину и не заметила, как все выпила.

– Извините, я вам ничего не оставила! – проговорила она, возвращая кувшин.

– Ничего, скоро они принесут еще! – заверил ее англичанин. – Воду дают два раза в день, и лепешки. Они не хотят, чтобы я умер с голоду, это не в их интересах.

От соломы пахло гнилью, к тому же там ползали какие-то насекомые, так что Надя села на корточки, привалившись спиной к стене, и снова задумалась о своем положении.

Почему ее, именно ее, похитили пираты? Теперь она могла ответить на этот вопрос. Пираты похитили ее вместо Надин.

В самом деле – она находилась в каюте Надин, спала на ее кровати, в ее пижаме. Внешне они немного похожи – обе темноволосые, кареглазые, Надин чуть худее и пониже ростом, но пиратам не с чем было сравнить. Ведь они не обыскивали все каюты, а шли именно в нужную, у них наверняка была наводка.

И этот беловолосый злодей сказал, что он проследил путь Надин от самого Марсея, точно знал, на какой корабль она села в Александрии, а уж выяснить номер каюты вообще проще простого! Вот если бы пираты в этой каюте нашли толстого мужика или пожилую негритянку, они бы засомневались. А так, велено было привезти белую женщину – так вот же она, спит себе на кровати без задних ног!

Но как она там очутилась?

Пора перестать отмахиваться от очевидного – ее, Надю, как полную дуру, просто заманили. Пока она лила слезы и жалела себя, глядя на море, ее заметила эта Надин. И уговорила пойти выпить. Чего проще? Надя дошла уже до ручки, едва на луну от тоски не выла. А там...

Надя вспомнила про пролитое вино. Да эта прохиндейка небось вовремя подтолкнула официанта или заплатила ему, чтобы он облил Надино платье...

Говорил же этот беловолосый, что Надин умеет манипулировать людьми. Точно, уж Надя-то в этом убедилась. Вот послала бы она вчера вечером эту Надин подальше – отвали, дескать, я с незнакомыми не пью. И все, сейчас была бы на корабле. Ну, ограбили бы пираты, у Олега деньги отобрали, у нее – украшения. Вот кстати, Надин и кольца с нее сняла, чтобы не опознали – у нее-то обручального кольца не было...

Чего хотел от нее тот человек в бараке? По большому счету, не имеет значения, поскольку дать это она ему не сможет, она ведь не Надин и понятия не имеет, чем занималась эта прохиндейка. И хорошо, что не поддалась порыву и не стала признаваться беловолосому, что она не та, кого он так жаждал видеть. Нетрудно догадаться, что последовало бы за этим признанием.

Во-первых, он бы ей не поверил. А когда она, плача и размазывая слезы, рассказала бы ему в подробностях про вчерашний вечер, то, возможно, сумела бы его убедить, что она – посторонняя русская женщина, никому не известная и небогатая. И глупо было бы ждать, что перед ней извинятся и вернут на корабль или хотя бы доставят в какое-нибудь цивилизованное место. Зачем им такая морока? В лучшем случае ее просто убьют. А в худшем...

Надя вспомнила про главаря пиратов и про того жуткого типа с безумными глазами, которые жили своей собственной жизнью на черном лице – то вращались со скоростью вентилятора, то стремительно бежали куда-то вверх, через лоб... Ужас, лучше умереть, чем попасть к такому в руки.

Надя прислушалась к себе и поняла, что умирать не хочется. А ведь придется, когда раскроется ее обман. Нужно быть очень осторожной. И правильно она сделала, что назвалась этому англичанину Надин. Может, он в сговоре с беловолосым, его нарочно подсадили в яму, чтобы он выпытал у нее все, что нужно.

Хватит уже, была она такой душой, что выбалтывала о себе все первому встречному. Теперь надо быть умнее.

Но как выбраться на свободу из этой волчьей ямы?

Действительно, по сравнению с этой ямой хижина, в которой она проснулась, казалась настоящим дворцом. Здесь было сыро, грязно, тесно, отвратительно пахло, но хуже всего было то, что она будет делить эту яму с мужчиной. Так что любое самое простое физиологическое отправление превращалось в настоящую проблему.

Ее безрадостные мысли были прерваны донесшимся сверху подозрительным шорохом.

Надя запрокинула голову... и едва не закричала от ужаса: через просветы деревянной решетки на нее смотрело какое-то чудовище. Приоткрытая пасть, из которой торчали страшные клыки и капала слюна, жуткая ухмыляющаяся морда, испещренная темными полосами, маленькие свирепые глазки...

– Что это? – прошептала Надя, инстинктивно схватив своего соседа за руку.

– Это гиена, – сообщил тот довольно спокойно. – Она часто сюда приходит по ночам. Должно быть, надеется, что когда-нибудь я ей достанусь на обед. Я к ней привык, зову ее Мелиссой, в честь одной своей родственницы. Они очень похожи. Эй, Мелисса, как дела?

Гиена хрюкнула и исчезла.

Надя отпустила руку Патрика, но не стала отодвигаться, потому что от него веяло живым человеческим теплом.

– Кстати, – снова заговорил Патрик, – хотя я сказал вам, что не знаю, где мы находимся, – кое-какие соображения на этот счет у меня имеются. Насколько я могу судить по характеру растительности и животного мира, а также по антропологическим особенностям местных жителей и характеру их языка...

– Умоляю, нельзя ли покороче! – перебила его Надя.

– Можно. – Англичанин пожал плечами. – Так вот, я считаю, что мы с вами находимся в Республике Сомали. То есть республикой ее можно считать только формально, на самом деле эта территория разделена на добрый десяток крошечных государств, непрерывно воюющих друг с другом. До шестидесятых годов прошлого века Сомали состоял из трех частей – Французский Сомали, или Джибути, Британский Сомалиленд и Итальянский Сомали.

Джибути, освободившись от колониальной зависимости, стал самостоятельным государством и добился относительного процветания. Из двух других частей Сомали было создано единое независимое государство, но в нем тут же началась борьба враждующих кланов. Здесь постоянно идет гражданская война, в ходе которой возникают и исчезают карликовые государства. Каждый полевой командир, добившись хоть небольшого успеха, провозглашал независимость своей территории, объявлял себя президентом и непременно требовал мирового признания.

Но все эти государства почти сразу сами собой разваливались. На данный момент, насколько я знаю, реально существуют три государства: Республика Сомали, официально признанная ООН, и две непризнанные самопровозглашенные республики – Пунтленд и Сомалиленд. Все эти бесконечные конфликты кажутся удивительными: ведь Сомали – это единственная страна Африки, в которой живет один народ, исповедующий одну религию – ислам...

Англичанин заметил, что Надежда его давно уже не слушает, и замолчал.

В яме становилось все темнее.

– Скоро наступит ночь, – проговорил Патрик, – а ночью здесь довольно холодно. Так что, если позволите, я поделюсь с вами... – И он протянул Наде часть лохмотьев.

Она села, подтянув к горлу колени, от лохмотьев ужасно пахло, но без них ей не обойтись. Если беловолосый мужчина рассчитывал таким образом сломить ее дух, то ему это явно удавалось. К утру Надя совершенно окоченеет, простудится, схватит лихорадку. Или ее покусает гиена. Или змея.

– Тут нет змей? – спросила она, встрепенувшись.

– Есть, но сюда пока не заползали... – сонным голосом ответил англичанин, – если только эти уроды не забросят... но, думаю, до этого не дойдет...

Надя вздрогнула, представив себе огромную кобру с раздувшимся капюшоном, которая ползет на нее, шипя и плюясь ядом. Наверно, здесь совсем другие змеи, но от этого не легче.

Внезапно до боли, до стоны захотелось обратно на корабль, к людям, к теплу и свету, к мужу. Что с того, что они поссорились? Что с того, что Олег играет в казино? Сейчас Надя и бровью бы не повела, хочешь играть – да ради бога, деньги твои! А она в баре посидит. Или рядом с ним. И даже грубость Олега сейчас казалась ей не такой вопиющей. Да, правильно говорят, что все познается в сравнении.

Если бы Надина душа могла покидать ее брэнное тело во время сна, она увидела бы много интересного. И если бы Надя знала, что подельывает в данное время ее муж Олег, она бы думала о нем совсем не так благосклонно.

Накануне ночью, избавившись от надоеды-жены, Олег радостно потер руки и щелкнул пальцами, подзывая официанта. Выпить еще и играть – вот прекрасное времяпрепровождение. Что с того, что он пьян? Он же не за рулем и не на деловых переговорах, когда требуется ясность мысли и трезвость рассудка. Тут все решает случай. В конце концов, имеет человек право в отпуске немного расслабиться?

Олег отогнал надоедливую мысль, что за время круиза он проиграл уже довольно много денег. Именно это пыталась довести до его сведения жена, эта зануда и замороженная селедка.

Вспомнив про их разговор утром, когда он дал ей слово, что не будет больше посещать казино, Олег дико разозлился. Кто она такая, чтобы руководить его жизнью? Его слово: захотел – дал, захотел – назад взял! И уж не Надьке его учить, дуре и неудачнице.

Ох, как она ему надоела – смотрит глазищами своими, молчит, а в глазах – презрение. Она его еще презирать смеет, тварь! Избить бы женушку в кровь, да нельзя, шум поднимется, у них тут служба безопасности и все такое... Ничего, дома он ее уму-разуму научит, будет знать, как перечить. А деться ей некуда, все стерпит...

– Делайте ваши ставки, господа! – крикнул крупье, и Олег, подышав по обычаю на фишку, бросил ее на цифру восемь.

Тотчас в поле его зрения возникла женская рука, которая тоже бросила на восьмерку несколько разноцветных фишек.

Олег повернулся и увидел эффектную молодую женщину с пышными темными волосами и в красном платье, которое облегалo фигуру, как вторая кожа. Женщина подняла на него темно-карие яркие глаза и слегка улыбнулась, затем отвела взгляд.

– Ставки сделаны, господа! – возвестил крупье трубным голосом, и Олег стал следить за шариком.

Разумеется, восьмерка не выпала, и он тихонько выругался сквозь зубы. Женщина в красном проиграла больше, чем он, однако пренебрежительно хмыкнула и пожала плечами. Олег задержался на ней взглядом.

Хороша, однако. Эти яркие глаза, чувственный рот... плосковата немного, на его вкус, зато держится уверенно. По всему видно, что богатая и успешная. Неужели она здесь одна? Что-то есть такое во взгляде, и этот большой насмешливый рот... Если она в круизе и не одна, а со спутником, то явно независима.

– Делайте ваши ставки, господа! – напомнил крупье.

Олег встрепенулся и на этот раз поставил на красное, очевидно, его вдохновил цвет платья незнакомой женщины. Она усмехнулась и сделала то же самое.

Они выиграли.

– Видите, – женщина загадочно улыбнулась, – мы приносим друг другу удачу.

Она бросила на стол пачку сигарет и зажигалку. Достала длинную темную сигарету, Олег взял зажигалку и дал ей прикурить, склонившись низко. Она подняла глаза и поглядела на него сквозь дым с необидной, пронизательной усмешкой – все, мол, понимаю, знаю, что нравлюсь. И не только тебе...

Он повертел в руках зажигалку, она была золотая, со сложным вензелем «NT».

Переглядываясь, они забыли сделать ставки, а выиграло снова красное. Женщина закусила губу и бросила несколько фишек на черное, Олег последовал ее примеру. Его начала увлекать такая совместная игра. Они проиграли, но не расстроились.

– Вернемся к счастливому цвету! – предложил он, экономя фишки, все же не стоило проигрывать столько денег.

Он выиграл, но немного, женщина же огребла приличный куш.

– Ого! – весело удивилась она. – Определенно мне сегодня везет благодаря вам! Я хочу вас угостить, – сказала она, заметив, что его стакан пуст.

Она сама взяла у подбежавшего официанта два стакана и протянула один Олегу.

– Ну, за знакомство! – улыбнулась она.

Олег хотел уточнить, что они еще не знакомы, но она уже отпила из своего стакана, и он последовал ее примеру. И выпил одним глотком едва ли не половину.

Взгляд, которым окинула его женщина, не оставлял никаких сомнений.

«Что ж, – хохотнул Олег про себя, – не везет в игре, значит, повезет в любви!»

Внезапно ему показалось, что красно-черные сектора игрового стола резко приблизились, будто он упал на них головой. Но нет, все в порядке, он сидит на месте, как сидел. Затем вместо одного барабана на столе почему-то оказалось три или даже пять, все они крутились в разные стороны, и в ушах у Олега стоял неумолчный стук шариков.

– Ох! – Он с изумлением оглядел зал, когда все прошло. – Что-то мне... как-то мне...

– О, дорогой, – усмехнулась его соседка, – пожалуй, ты слишком много выпил! Пойдем-ка...

Она ловко подхватила его под руку и повела из зала. Олег пошел за ней, вяло перебирая ногами.

– Пойдем-пойдем, – говорила женщина, глядя на часы, – нам надо спешить.

– К-куда? – спросил он, чувствуя, как язык с трудом ворочается во рту. – К-куда мы?

– Ко мне, конечно. – Она прижалась к нему и прошептала прямо в ухо: – Дорогой, тебе нужно отдохнуть, а потом...

Они спустились вниз по лестнице и оказались в коридоре, куда выходили двери кают. Мелькали номера, и Олег вдруг сообразил, что они идут в его каюту.

– Там... там жена... – проговорил он непослушными губами.

Больше всего на свете ему хотелось сейчас лечь в темной комнате, и чтобы никого не было рядом.

– Не волнуйся, все в порядке, – успокоила его женщина, – да не тормози ты!

Ноги внезапно стали ватными и отказались повиноваться, женщина волоком дотащила Олега до его каюты, обшарив по пути карманы в поисках ключа, и втокнула в дверь.

– Стоп! – скомандовала она, видя, что Олег устроился на полу. – Дойди до кровати.

С трудом она сумела положить его на кровать, и Олег отключился окончательно.

– Уф! – Женщина без сил опустилась на стул и поглядела на часы. – Еле успели! Хорошо, что в коридоре не вырубился.

Она разделась, устроилась на соседней кровати и брезгливо поморщилась, услышав храп своего соседа.

Спал Олег беспокойно, его мучили кошмары. Сначала казалось, что он находится в вязкой вонючей субстанции, он застрял в ней, как муха в навозе, и не может выбраться. Затем послышался грохот, и в комнате появилась страшная черная рожа с выкаченными белками. Затем еще одна такая же рожа, а какая-то женщина в Надином халатике визжала и ползала перед рожами на коленях. Они гоготали и тыкали в нее «калашом». Тут Олег осознал, что бред какой-то чересчур реальный, с удивительно четкими деталями, но в себя не пришел. Видения исчезли, и далее сон был более спокойным.

Проснулся он оттого, что кто-то весьма чувствительно ткнул его в левый бок. Спросонья Олег выругался матом – он решил, что это, как обычно, жена тянет его на завтрак. И тут же получил еще один тычок, более сильный.

– Вставай, скотина! – произнес женский голос полупшепотом. – Просыпайся!

Не открывая глаз, Олег махнул рукой, стремясь достать эту назойливую муху, его благоверную, вяло подумав, на кой черт он вообще женился, достала ведь совсем. Но рука повиновалась с трудом. Олег со стоном повернулся и открыл глаза. В каюте был полумрак, и предметы расплывались перед глазами.

– Да очухайся же ты! – приказал голос. – Приди в себя!

Это оказалось трудновато. Олег помотал головой, и она тотчас отозвалась гулким звоном. И еще был там какой-то стук, будто гвозди заколачивали в крышку гроба.

Черт, когда же это он успел так напиться, с тоской подумал Олег, вроде бы вчера все было как всегда... Он напрягся, пытаясь вспомнить, что же такое он пил вчера, но в больной голове не было никаких мыслей, он ничего не помнил.

На лицо упало что-то прохладное и мокрое, Олег обтерся полотенцем и осознал, что стучат не в его голове, а в дверь каюты.

На пороге стоял стюард, кто-то из офицеров и еще люди с оружием.

– Все на месте? – отрывисто спросил офицер, сверяясь со списком. – Вы кто?

– Гусаковы, Олег и Надежда, – тотчас заговорил женский голос, – это наша каюта. Муж вчера выпил лишнего, поэтому все проспал. Когда начался шум, я пыталась его разбудить, но не получилось. Поэтому мы не выходили из каюты. А когда они пришли... в общем, я отдала им все, что у нас было... драгоценности, часы мужа... деньги... И они ушли.

– Что ж, – сказал офицер, – можно сказать, вам повезло. С другими они обошлись гораздо хуже.

– Что случилось? – проговорил Олег чужим, хриплым голосом.

– Пираты, – ответил ему человек из экипажа их лайнера, – напали ночью с целью грабежа, есть раненые и убитых двое.

– А где... – начал Олег, смутно соображая, что чего-то не хватает, что-то не так, неправильно.

– У нас нет жалоб, – торопливо заговорила женщина, – все поправимо. Наверно, есть люди, которым нужна помощь в большей степени...

– Вы правы, – согласился офицер, – надо идентифицировать пассажиров, все ли на месте. Они ушли, тогда Олег повернулся и посмотрел на женщину.

– Вы кто? – спросил он хрипло. – Что вы делаете в моей каюте?

– Допился, – вздохнула она, – собственную жену не узнаешь. Говорила ведь тебе, сколько раз говорила – все как об стенку горох!

Олег встал резко, но тут же снова упал на кровать, сраженный дикой болью.

Женщина достала из кармана халата какую-то таблетку и растворила ее в стакане с водой.

– Пей, – сказала она, – полегчает.

Олег не стал спорить: голова болела невыносимо. После лекарства стало чуть лучше, и он обрел наконец способность соображать.

Он разглядел женщину, которая называла себя его женой. На ней был Надин халатик, и волосы заколоты так же, но это точно не Надя. Уж не до такой степени он не соображает, чтобы не узнать собственную жену! Эта девка похожа, конечно, – глаза, волосы, фигура, – но ее он в жизни не видел.

Очевидно, лекарство делало свое дело, потому что Олег тут же мысленно поправился – видел он эту бабу. Вчера видел, в казино. Они играли вместе, потом выпили, а после он ничего не помнит... вроде бы к ней пошли... или к нему...

– Где Надя? – Он схватил женщину за руку. – И кто ты такая?

Тут раздался деликатный стук в дверь, это явился стюард. Сокрушаясь и горестно поджимая губы, он убрал осколки разбитых бутылок, заменил разорванную наволочку. Тут только Олег заметил, что в каюте ужасный беспорядок. Зеркало разбито, на полу следы грязи, вещи из чемодана выброшены и валяются где угодно, Надин бюстгальтер даже на люстру попал.

– Ужасно! – причитал стюард. – Я плаваю восемь лет, ни разу такого не случилось. Слышал, конечно, я о разном, но чтобы со мною... Двое убитых, пятеро раненых, одна женщина пропала без вести. Возможно, пираты забрали ее с собой.

– А она... – вскинулся Олег, но женщина тут же его перебила:

– А куда мы сейчас плывем? И кто эти люди с оружием?

– О, капитан подал сигнал, и нам на помощь пришел военный корабль. Сейчас мы идем в порт Момбаса, там будет разбирательство. Страховая компания все оплатит, но – двое убитых, двое убитых... им уже ничем не поможешь...

Стюард удалился, скорбно покачивая головой, он был какой-то незнакомый, впрочем, для Олега все они одинаковые. Женщина изучала свое лицо в зеркале. Олег встал с кровати, голова больше не болела и не кружилась.

– Куда ты? – Тут только он понял, что она просто наблюдает за ним в зеркале.

– Я иду к капитану! – сказал он. – У меня пропала жена!

– Твоя жена – это я, – спокойно ответила женщина, но тут же крутанулась на месте, уходя от его тяжелой руки. Она не только отклонилась от удара, но еще успела и сама ударить – в самое чувствительное мужское место. Не очень сильно, но Олег скорчился и снова повалился на кровать.

Олег был сегодня не в лучшей форме, да он и представить себе не мог, что такая несолидная на вид, вертлявая бабенка способна нанести такой болезненный удар. Да, это точно не Надька, та лишь пряталась от него и плакала.

– Ты, урод... – прошипела женщина, – только попробуй пойти к капитану и заявить о пропаже жены, я найду троих свидетелей, что ты сам сбросил ее за борт.

– Что? – Он вылупил глаза.

– А то, – зло добавила она, – что все в казино слышали, что вы ссорились. Ты орал, что убьешь ее, если она немедленно не оставит тебя в покое.

– Ну... – он растерялся, – ну мало ли что я говорил. Ну, достала она меня, вечно норовила за руку схватить – не пей, не играй, не ругайся, сиди с ней на шоу этом дурацком или еще выдумала – танцы! Да в гробу я видал такой отпуск!

– Вот-вот. – Женщина зло рассмеялась. – Именно так люди и скажут. Она тебя достала, ты ей угрожал, а ночью решил избавиться от жenuшки. Под шумок... Тут, кстати, пираты оказались!

– Да я вообще никаких пиратов не видел, я спал! – закричал Олег.

– А ты докажи!

От злости на эту стерву он вспомнил ясно, что было вчера.

Она под села к нему в казино, они играли, она усиленно его завлекала, а потом заказала выпивку. Что там было? Что-то крепкое – виски, коньяк... И с чего это его так повело, что он даже не помнит, как добрался до каюты? И где была Надя, когда эта баба притащила его сюда? И зачем, зачем она это сделала?

– Ты кто? – спросил он. – Что тебе от меня надо?

– Сиди тихо, делай, что говорю, и все будет в порядке... – ответила женщина. – Да тебе и делать-то ничего не придется. У них уже записано, что в этой каюте двое супругов. Ни с кем вы близко не сошлись за время круиза, никто твою жену не знает. А как придем в порт и власти разберутся с документами, я избавлю тебя от своего присутствия. Не волнуйся, не поеду с тобой в Россию, я там ничего не потеряла.

– Еще не хватало! – Олег плюнул с досады.

Похоже, она способна здорово испортить ему жизнь.

– А что я скажу дома? Куда подевалась моя жена? – спросил он голосом капризного ребенка.

– А вот это уж будут твои проблемы! – рявкнула в ответ эта ненормальная, что навязалась на его голову.

Олег решил пока покориться обстоятельствам, но как только представится удобный случай, он оплатит этой стерве. Она еще пожалеет, что связалась с ним.

Он принял душ, побрился, побрызгал на лицо одеколона, с трудом выискал в куче одежды относительно чистую рубашку и взялся за ручку двери.

– Куда ты? – нахмурилась его фальшивая жена.

– Я жрать хочу! – рыкнул он раздраженно. – Что, так и сидеть все время в каюте?

Очевидно, она сообразила, что с голодным мужчиной лучше не связываться, потому что мигом собралась, и они пошли на завтрак. Олег только скрипнул зубами, увидев, что она надела Надину одежду – брюки капри и самую простую маечку.

По сравнению с прежним изобилием завтрак был скуден – кофе и сэндвичи. Однако пассажиров было много – ничто так не способствует повышению аппетита, как сильный страх, а уж напугались-то все ночью ужасно.

Из разговоров Олег узнал, что пропавшую женщину пираты увезли с собой на лодке, тому имелось несколько свидетелей. По неточным сведениям, она была француженкой, звали ее Надин Турнель. Почему из всех женщин на корабле пираты выбрали ее, никто не знал.

Услышав такие разговоры, Олег поперхнулся кофе, потому что вспомнил вдруг, как вчера женщина, что выдает себя за его жену, прикуривала от золотой зажигалки с вензелем «NT».

– Ты заранее все задумала! – прошипел он.

– И что? – холодно ответила она. – Я уже говорила, что от тебя требуется только помалкивать. Ты закончил? Так идем!

Он побрел за ней покорно, как баран на веревочке, внезапно ему стало все равно – эта баба ли, другая – все они ему осточертели до тошноты, до ломоты в зубах.

Его настоящая жена Надя ничего этого не знала. Сидя в сырой вонючей яме, она вспоминала своего мужа, от души надеясь, что он будет ее искать, бегать по инстанциям, стучаться во все двери, требовать спасательной операции.

Однако душа душой, но здравый смысл подсказывал ей, что простой человек в данной ситуации ничего не сможет сделать. Если бы пираты похитили жену американского президента или тещу израильского премьер-министра, тогда за дело принялся бы спецназ – «Морские котики» или бравые парни из «Мосада» бесшумно спустились бы с вертолетов прямо на этой вот поляне, постреляли бы немножко и вытащили пленницу. А потом завернули бы в одеяло, дали кружку горячего кофе и рапортовали бы в рацию: «Да, мистер президент. Все о'кей».

Надо реально смотреть на вещи: Надя – обычная женщина, для ее спасения не станут привлекать такие силы. Конечно, нельзя распускаться, Олег будет хлопотать о ней, все же они женаты...

Но того, что происходило с ее мужем на самом деле, Надя и предположить не могла.

Как всегда, в тропиках, быстро темнело. Сверху доносились странные и подозрительные звуки – треск ветвей, завывание, хохот. Должно быть, джунгли жили своей жизнью – ночные хищники вышли на охоту, их жертвы спасались бегством или искали убежище. Внезапно Надя услышала жуткий, душераздирающий вопль, в котором слились боль и невыносимое страдание. Казалось, какое-то существо расстается с жизнью или переносит чудовищную муку.

– Что это? – вскрикнула Надя и невольно прижалась к своему соседу.

Англичанин был абсолютно спокоен. Приобняв девушку за плечи, он невозмутимо проговорил:

– Не пугайтесь, Надин! Это всего лишь птица-плакальщица. Местные жители считают, что в нее вселяются души убитых, оттого она и кричит так жалобно. На самом деле – небольшая и совершенно безобидная птичка...

– Ужас какой! – Надя передернула плечами.

Осознав, что все еще прижимается к англичанину, она смущенно отстранилась.

Среди голосов ночного леса послышался какой-то отдаленный глухой треск.

На этот раз Патрик насторожился:

– Вы слышали?

– Что? – переспросила Надя. – Это тоже какое-то животное?

– Самое опасное из всех – человек! Кто-то стрелял из автомата.

– Да здесь, по-моему, у каждого ребенка есть автомат!

– Во-первых, не у каждого, а только у тех, кто принадлежит к одной из воюющих группировок. Во-вторых, если местные и стреляют иногда просто так, для развлечения или для тренировки, то исключительно днем, чтобы не попасть ненароком в своих. И в-третьих, вы не обратили внимания на тех, кто привел вас сюда? Они вооружены автоматами Калашникова китайского производства, а сейчас стреляли из «узи»...

– Вы так хорошо разбираетесь в оружии, что можете по звуку определить марку автомата? – недоверчиво спросила Надя.

Она решила, что англичанин, как все мужчины, просто распускает перед ней хвост.

– Да, немного разбираюсь, – ответил Патрик, напряженно прислушиваясь.

Теперь треск раздавался гораздо ближе и стал более частым. Надя уже и сама поняла, что это – автоматные очереди. Вдруг над ними раздались торопливые шаги, деревянная решетка откинулась, и в яму сбросили веревку.

– Вылезайте! – приказал, нагнувшись над ямой, знакомый Наде человек – тот, кто командовал захватившими лайнер пиратами.

Надя взглянула на англичанина. Тот кивнул и помог ей ухватиться за веревку. Сверху сильно потянули, и Надя в следующую секунду оказалась на поверхности. Следом за ней вытащили Патрика.

Возле ямы стояли человек десять вооруженных людей. Все они были встревожены и вглядывались в джунгли, в ту сторону, откуда доносились выстрелы. Едва пленников вытащили из ямы, вся группа припустила по освещенной луной тропинке. Если Надя сбивалась с шага или замедляла бег, ее подталкивали стволом автомата.

– Что случилось? – спросила Надя, поравнявшись с главарем пиратов. – Куда мы бежим?

Тот только зло блеснул глазами и ничего не ответил.

Через несколько минут быстрого бега группа свернула с тропинки, с треском проломилась через кусты и оказалась на склоне холма, где стоял грузовик камуфляжной окраски с заве-

денным мотором. Из кабины выглянул чернокожий водитель, что-то раздраженно крикнул. Надю и Патрика буквально забросили в кузов, бойцы попрыгали следом, и грузовик сорвался с места.

Он мчался по ночному бездорожью, подпрыгивая на ухабах и делая немислимые виражи.

– Что происходит? – вполголоса спросила Надя, повернувшись к англичанину.

– На поселок наших гостеприимных хозяев напала конкурирующая группировка, – ответил тот уверенно. – Скорее всего, ФНЕС – Фронт национального единства Сомали. Так что наши хозяева срочно перебираются на другую базу, ну, а нас с вами захватили как ценное имущество...

Патрик хотел еще что-то добавить, но машину подбросило на ухабе, и он замолчал.

Надя взглянула назад, в ту сторону, откуда они ехали, и увидела, что небо над джунглями озарено багровым отсветом. Видимо, это горела та африканская деревня, в которую привезли ее пираты.

Дальше они ехали в тишине, нарушаемой только натужным рычанием мотора и голосами ночных птиц.

Ночная гонка продолжалась час или больше, как вдруг впереди прогремел взрыв, грузовик подпрыгнул и перевернулся на бок. Надя отлетела на несколько метров и упала. Ее падение смягчили кусты – они расцарапали ей руки и лицо, но спасли от переломов и тяжелых ушибов.

Надя отползла в сторону и огляделась.

Грузовик горел, и это пламя одновременно освещало окрестности и делало их еще более мрачными и таинственными. Бойцы, выбравшиеся из машины, рассыпались цепью и залегли по обе стороны дороги. Из темноты вырвались несколько светящихся цепочек, и с небольшим запозданием раздался треск автоматов. Со стороны пылающего грузовика началась ответная стрельба.

Вдруг кто-то тронул Надю за плечо. Она вздрогнула, оглянулась и увидела Патрика. Англичанин прижимал палец к губам.

– Тс-с! – прошипел он. – Нам нужно ускользнуть, пока эти славные ребята заняты друг другом. Уйдем по-английски, не прощаясь...

– Но там звери. – Надя опасно взглянула в темноту, откуда смотрели десятки блестящих глаз.

– Это? – Патрик усмехнулся. – Это всего лишь мелкие ночные зверюшки. Они очень любопытны. Опасных хищников здесь совсем немного, и вообще – нет никого страшнее человека. Кто бы ни победил в этой заварушке, нас с вами не ждет ничего хорошего. Так что давайте сами о себе позаботимся... – И он потянул Надю в темноту.

Перестрелка возле грузовика становилась все горячее, и Надя отбросила сомнения.

– А вы хоть знаете здешние места? – спросила она, отползая в сторону вслед за англичанином.

– Откуда? – тот поднял брови. – Конечно, нет. Но, думаю, куда-нибудь мы попадем...

Они ползли еще несколько минут, потом Патрик решил, что уже достаточно удалились от поля боя и встал на ноги.

– Вы можете идти? – спросил Надежду.

– Да вроде могу...

– Тогда лучше пойдем, отдохнем на рассвете.

Они шли, ориентируясь по звездам и по отсвету горящего грузовика. Перестрелка постепенно удалялась.

К счастью, они оказались не в джунглях, а в засушливой саванне, где среди чахлай травы то и дело попадались колючие кусты и редкие деревца. Час шел за часом, и Надя начала выдыхаться. Она шла все медленнее и то и дело спотыкалась. Чужие разношенные кроссовки

натерли ноги и вообще норовили упасть. Патрик же, казалось, не чувствовал усталости. Он шел и шел впереди, вроде бы не спеша переставляя ноги, однако темп задал хороший.

Надя наткнулась на выбоину в почве, ногу пронзила боль, от неожиданности она не смогла удержать стон.

Патрик озабоченно взглянул на нее и проговорил:

– Если вы очень устали, можно сделать небольшой привал...

В это время позади них, совсем близко, раздался жуткий вой, перешедший в визгливый хохот.

– Нет, я еще могу идти! – поспешно ответила Надежда и прибавила шаг.

Пришлось сжать зубы, чтобы не стонать, однако, как ни странно, боль в ногах перестала беспокоить, очевидно, пришло второе дыхание. Или какое там по счету – пятое, десятое, пятнадцатое.

За последние сутки на Надину долю выпало столько испытаний, что не хватило бы никаких душевных и физических сил. Однако она была еще жива и способна ходить. И кажется, судьба спасла ее от ужасной смерти в руках этих черных бандитов. Хотя – тьфу, тьфу, чтоб не сглазить, – вполне можно снова угодить из огня да в полымя, еще какие-нибудь бандиты свалятся на ее голову.

Так они прошли еще около часа, и вскоре небо на востоке начало розоветь.

Ночные звуки стихли, вместо них радостно запели птицы, небо запылало всеми оттенками расплавленного золота, и солнце торжественно выплыло на небосвод.

– Ну вот, мы, кажется, благополучно дожили до утра! – объявил Патрик, оглядываясь по сторонам. – Теперь можно и отдохнуть! И даже необходимо...

Надя тоже огляделась. Вокруг была пыльная, поросшая травой равнина, которую кое-где пересекали неглубокие овраги. Здесь и там были разбросаны чахлые акации.

– И где мы будем отдыхать? – спросила она неуверенно.

– Возьмем пример с обезьян и леопардов, – жизнерадостно отозвался англичанин, направляясь к ближайшей акации. – Они, как правило, отдыхают на деревьях.

Надя посмотрела ему вслед. Сейчас, при свете дня, она смогла наконец разглядеть англичанина хорошенько. Он был высокий и худой, и все у него было длинное – руки, ноги, лицо. Он шел к деревьям, смешно поднимая ноги, как журавль.

Почувствовав ее взгляд, он повернулся и подмигнул – вперед, мол, не бойся! Лицо его заросло довольно жидкой щетиной, левую щеку пересекала кровоточащая царапина, но смотрел англичанин бодро. Надя вдруг расстроилась – она, наверно, при свете выглядит ужасно – после похищения и ночи в сырой яме...

– Вон подходящее дерево! – сказал Патрик.

– Да, но я-то, к сожалению, не обезьяна... – вздохнула Надежда и мысленно добавила: «Или к счастью».

– Говорят, мы все от них произошли, – ответил неунывающий англичанин. – Если очень постараться, можно вспомнить навыки наших предков!

С этими словами он легко вскарабкался по корявому стволу акации и устроился в широкой развилке:

– Смотрите, это совсем не так сложно!

Надя последовала его примеру и расположилась в соседней развилке дерева. Это было довольно неудобно, но она так устала, что почти сразу заснула.

Приснилось ей, что на эту же акацию лезет огромный леопард. Зверь прикоснулся к ее плечу когтистой лапой и прорычал:

– Это мое место! Проваливай!

Надя проснулась в испуге, подскочила и едва не свалилась с дерева. Внизу стоял Патрик. Он улыбался и выглядел свежим и подтянутым, будто ночевал в удобном гостиничном номере.

Ссадина на щеке затянулась, мокрые волосы были приглажены, даже одежда не казалась такой изорванной.

– Выспались? – осведомился он вежливо. – Тут неподалеку есть ручеек, можно умыться...

Кряхтя и вздыхая, Надя сползла с дерева и отправилась к ручью, который показал ей англичанин.

Взглянув на свое отражение в прозрачной воде, Надя схватилась за голову. На нее смотрело самое настоящее чудовище – лицо грязное, глаза опухли, в волосах – колтун. Надя едва не вскрикнула от страха и тут же попыталась кое-как разобрать волосы.

Оказалось, во всех передрыгах у нее уцелела заколка, подарок Олега. Надя с трудом вытащила ее из волос, расчесала их пальцами и снова туго сколола заколкой.

Умывшись холодной водой, она и впрямь почувствовала себя гораздо лучше и готова была идти дальше. Правда, очень хотелось есть, но на завтрак надеяться не приходилось...

Однако когда Надя вернулась к месту привала, она с удивлением увидела небольшой костерок и почувствовала запах свежесваренного кофе.

– Это что – мираж? – проговорила она, удивленно глядя на своего спутника.

– Нет, это завтрак, – ответил тот, протягивая ей кружку и кукурузную лепешку.

– Откуда это? – Надя все еще не верила своим глазам, но обжигающий глоток кофе заставил поверить.

– Когда мы покинули наших гостеприимных хозяев, я прихватил сумку одного из них, – сообщил Патрик, разламывая вторую лепешку. – Ему она уже не была нужна, а нам пригодилась... будете есть?

– Буду! – решительно ответила девушка.

Позавтракав, они пошли дальше. Патрик шел уверенно, и Надя не стала его ни о чем спрашивать. После кофе у нее прибавилось бодрости, ноги больше не болели.

Миновал полдень, жара стояла невыносимая. Даже змеи и скорпионы попрятались в свои норы. Вдруг впереди среди травы показались какие-то темные пятна.

– Что это? – спросила Надя, замедляя шаг. – Какие-то животные? Надеюсь, не хищные?

– Самые обычные козы, – ответил Патрик. – А где есть козы – там наверняка есть и пастух.

Действительно, когда через полчаса они подошли к стаду тощих черных коз, уныло жующих траву, увидели поодаль, в тени акации, пожилого негра, который мирно спал, завернувшись в красную накидку из верблюжьей шерсти. Однако едва путники приблизились к стаду, старик вскочил, схватил длинный суковатый посох и выкрикнул что-то непонятное, но явно угрожающее.

И тут Патрик снова удивил Надежду: он заговорил с пастухом на его языке.

Разговор был непродолжительным. Старик опустил посох, кивнул и пошел прочь.

– Куда это он? – спросила Надя, провожая пастуха взглядом.

– За своим племянником. У того есть машина, и он отвезет нас в Сомалиленд. А мы пока посторожим его коз...

– Куда он нас отвезет? – переспросила его Надя.

– В Сомалиленд, – повторил англичанин. – Ну, я же говорил вам – это непризнанное государство на севере бывшего Сомали. Хоть оно и непризнанное, но там нет войны, и порядка больше, чем в Республике Сомали, где мы сейчас находимся. Оттуда мы сможем выбраться в цивилизованный мир.

– А вы, оказывается, говорите на местном языке! – с уважением проговорила Надя.

– Ну, да, выучил как-то... – протянул Патрик и бросился за козой, которая слишком удалилась от стада.

Надя посмотрела ему вслед. Этот англичанин все время ее приятно удивлял. Он добывал буквально из воздуха еду, он сумел сбежать от бандитов и найти мирных жителей. Больше того, он сумел договориться. И он твердо уверен, что выберется из этой глуши.

Надя решила, что нужно держаться его, но ничего про себя не рассказывать. Все-таки он очень подозрительный, а она теперь никому не доверяет.

Прошло около часа, когда вдалеке раздался оглушительный грохот и показалось облако пыли. Это облако приблизилось, и Надя увидела доисторический автомобиль.

Видимо, когда-то давно, в другой жизни, это был армейский джип. Но с тех пор этот джип не раз попадал в аварию, его топтали слоны, обстреливали повстанцы, его сбрасывали в ущелья, он ржавел под тропическим ливнем и перенес тысячи других мелких и крупных несчастий. Дверцы он утратил давно, роль заднего сиденья играл старый продранный диван, капот был таким дырявым, что через него можно было отбрасывать макароны, и вообще, этот автомобиль больше всего напоминал поставленный на колеса мусорный контейнер. Тем не менее это чудо техники все еще передвигалось, за рулем его сидел жизнерадостный улыбающийся негр, а рядом – знакомый пастух.

– Велкам! – приветствовал водитель спутников на ломаном английском. – Ехать подано! Харгейса, йес?

– Харгейса, Харгейса! – подтвердил англичанин и помог Наде забраться на заднее сиденье автомобиля.

– Что это такое – Харгейса? – вполголоса спросила Надежда.

– Город, столица Сомалиленда, – ответил англичанин, устраиваясь рядом с ней.

Бывший джип понесся вперед, подсакивая на ухабах, заваливаясь на поворотах и жалобно скрипя тормозами на крутых спусках. Водитель при этом совершенно не следил за дорогой, он вертел головой во все стороны и в полный голос пел какую-то бесконечную песню. Видимо, такой стиль вождения он унаследовал от своих предков, которые в основном передвигались на верблюдах и могли не думать о дороге.

На особенно крутом вираже он перестал петь, обернулся к пассажирам и проговорил:

– Харгейса, йес?

– Харгейса, Харгейса! – снова подтвердил англичанин.

– Харгейса – фифти саусендс шиллинг! – заявил водитель.

– О'кей! – кивнул Патрик.

– Пятьдесят тысяч? – испуганно переспросила Надя.

– Не волнуйтесь, пятьдесят тысяч сомалийских шиллингов – это всего десять долларов, – успокоил ее спутник.

– А вообще-то у вас есть деньги?

– Есть, – невозмутимо ответил Патрик. – Я сумел кое-что припрятать от наших друзей-пиратов...

С этими словами он взглянул на водителя и, убедившись, что на этот раз тот в порядке исключения смотрит на дорогу, снял левый ботинок, запустил в него руку, повозился немного и вытащил несколько мятых долларовых купюр.

– Этого нам должно хватить на первое время!

Надя услышала позади какой-то шум и обернулась.

Позади них, примерно в километре, показалась машина. Покрытый пылью синий внедорожник. Надя закусил губу: точно такую машину она видела в деревне пиратов, возле барака, в котором ее допрашивал человек с белыми волосами. Синий внедорожник быстро нагонял их машину.

– Посмотрите. – Надя толкнула в плечо своего спутника. – Видите ту машину? Кажется, я ее видела...

– Вам ничего не кажется, – перебил ее англичанин и окликнул водителя: – Эй, друг! Там за нами едет какой-то придурок. Кажется, это муж одной красотки, с которой я познакомился в столице. Ты не мог бы от него оторваться?

– Нет проблем! – отозвался водитель. Он повернулся к Патрику и подмигнул ему: – Она правда была красотка?

– Правда-правда! – нервно ответил англичанин. – Настоящая фотомодель!

– Нет проблем! – повторил водитель.

Кажется, в его поведении ничего не изменилось. Тем временем синяя машина быстро приближалась.

– Что делать? – Надежда схватилась за плечо Патрика.

– Подождите, – отозвался англичанин. – Кажется, наш шофер что-то задумал...

И правда, водитель передвижного мусорного контейнера вдруг резко повернул руль, его самодвижущийся агрегат резко подпрыгнул на кочке и вдруг, соскочив с дороги, скатился по незаметному со стороны пологому склону и оказался на дне неглубокого оврага. Допотопная машина мчалась по дну оврага, не снижая скорости, внезапно овраг повернул влево и стал глубже. Машина катила дальше, подпрыгивая на рытвинах и ухабах, потом снова выкатилась на равнину, но теперь справа от нее тянулась гряда невысоких холмов.

– Больше он нас не найдет! – Водитель повернулся к Патрику и широко улыбнулся. – Она правда была красотка?

– Ух! – Патрик обрисовал в воздухе женский силуэт с весьма пышными формами и, когда водитель причмокнул губами и отвернулся, тихо спросил: – Надин, вы ничего не хотите мне рассказать?

И посмотрел очень серьезными светлыми глазами.

– О чем вы? – Надя едва не покраснела, осознав, как фальшиво звучит ее голос.

– Я знаю, кому принадлежит та машина, – сказал Патрик, – я видел его в деревне. Этот человек – белый, у него какие-то дела с пиратами и вообще в этой стране. Дела, я так понимаю, криминальные и незаконные. Впрочем, тут весь бизнес незаконный. Надин, этот человек очень и очень опасен. Чего он хотел от вас?

– Но я понятия не имею! – воскликнула Надя. – Мне кажется, что меня с кем-то спутали...

– Ну-ну, – хмыкнул Патрик, и Надя поняла, что он ей не поверил.

– Я ведь спрашиваю не из пустого любопытства, – продолжал Патрик, – просто так пираты не стали бы нас преследовать, у них сейчас своих забот хватает.

«Если на то пошло, пираты не стали бы меня похищать, – подумала Надя, – им от этого никакой выгоды. Они сделали это по приказу того беловолосого. Но кто же он такой? И что он имел в виду, когда спрашивал: где он, где он?»

– Вы хотите сказать, что вам со мной гораздо опасней, чем без меня? – спросила Надя.

Расчет был прост, английское воспитание взяло верх, и Патрик пробормотал, что он поможет ей выбраться к цивилизации, а там она вольна поступать, как хочет.

Надя удовлетворилась этим, хотя понятия не имела, что она будет делать, попав в цивилизованные места. Наверно, нужно идти в российское посольство. Ну, там видно будет.

Гористая местность закончилась. Разбитый джип скатился в долину и остановился. Водитель повернулся к пассажирам и проговорил, обращаясь к Наде:

– Голова! Голова плохо! Волосы плохо!

– Что не так с моей головой? – обиженно переспросила девушка. – Ну да, я давно не мыла волосы, у меня просто не было подходящих условий, ни горячей воды, ни шампуня...

– Дело не в этом, – догадался Патрик. – Мы въезжаем на территорию, контролируруемую исламистами. Здесь волосы у женщины обязательно должны быть покрыты платком. Хиджабом.

– Да-да, – оживился водитель. – Хиджаб! – И протянул Наде выцветший платок.

Надя кое-как прикрыла платком волосы. Водитель снова тронулся и вскоре подкатил к выжженной солнцем деревушке. Посреди этой деревушки стояла фанерная будка, возле нее слонялся разморенный жарой чернокожий солдат. При виде джипа он оживился, поправил форменный берет и, подойдя к машине, заговорил с водителем. Водитель бойко ответил, показал рукой на своих пассажиров и произнес уже знакомое Наде слово – Харгейса. Пограничник снова заговорил. Водитель поцокал языком, повернулся и сообщил Патрику:

– Сильно жадный. Хочет десять тысяч шиллинг.

– Десять так десять, – согласился Патрик и протянул пограничнику два доллара. Тот высокомерно взглянул на деньги, взял их двумя пальцами и отвернулся, разом утратив всякий интерес к джипу и его пассажирам. Водитель выжал сцепление, джип кашлянул, зарычал, как простуженный лев, и перевалил границу.

По другую сторону границы была точно такая же деревушка. Даже, наверное, та же самая. Она состояла из таких же приземистых глинобитных хижин, была так же выжжена солнцем, так же покрыта красноватой пылью. Земля здесь так же была усеяна толстым слоем рваных полиэтиленовых пакетов и пластиковых бутылок из-под кока-колы. Тощие облезлые козы старательно разрывали мордами этот пластиковый сор в поисках какой-нибудь пищи. Тут же пробегали темнокожие подростки с тележками, набитыми всякой всячиной, – они олицетворяли собой пограничную торговлю, перевоза дефицитные (то есть любые) товары с одной стороны границы на другую.

– Сомалиленд! – объявил водитель, миновав ничейную территорию и свернув на боковую улочку.

В последний момент Надя бросила взгляд на пограничный пост. Возле него стоял синий внедорожник, с пограничником разговаривал высокий белый мужчина. Даже отсюда Надя увидела его длинные, удивительно белые волосы. Блондин что-то говорил пограничнику, яростно жестикулируя, но тот не соглашался, мотал головой, а потом даже угрожающе схватился за автомат.

Водитель вырулил в конец деревни и затормозил перед сколоченным из старых досок бараком, на двери которого была нарисована чашка чая. Сразу было видно, что изобразивший эту чашку местный художник никогда не учился живописи и был убежденным последователем примитивизма.

– Один момент! – проговорил водитель, обернувшись к пассажирам. – Пить! Чай! – И для верности он ткнул пальцем в творение неизвестного художника.

– Чай так чай! – согласился Патрик и помог Наде выбраться из мусорного контейнера на колесах.

Отряхнув с волос и одежды красную пыль, они вслед за водителем вошли в барак.

Внутри имелось два стола, изготовленных из ржавых листов кровельного железа, и железная же бочка, на которой расположился хозяин заведения, он же по совместительству бармен и официант.

Надя с удовольствием выпила бы чашку чая, но тот напиток, который предложил им с Патриком хозяин, только с большой натяжкой можно было назвать чаем. Это была мутноватая сладкая бурда, слегка подкрашенная молоком.

– Это эфиопский чай, – пояснил Патрик, отпивая из своей кружки. – Пейте, он неплохо тонизирует.

Пока они пили свой чай, водитель о чем-то вполголоса переговаривался с хозяином. Неожиданно они начали спорить, ссориться, потом так же неожиданно помирились и пожали друг другу руки, явно скрепляя этим рукопожатием какую-то сделку.

– Не нравятся мне эти переговоры! – проговорил Патрик. – Кажется, наш водитель нашел себе более интересную работу.

Он как в воду глядел. Обменявшись рукопожатием с хозяином, водитель подошел к своим пассажирам и сказал, в растерянности разведя руками:

– Нет Харгейса!

– Что значит – нет Харгейса? – насторожился Патрик. – Мы же договорились, что ты довезешь нас до Харгейсы!

– Машина ломаться, – пояснил водитель, глядя на пассажиров честными прозрачными глазами.

– Как это она успела сломаться, пока мы здесь пили чай?

– Нет Харгейса! – повторил водитель.

– Нет Харгейса – нет фифти саусендс шиллинг! – твердо проговорил англичанин. – Не довезешь до конца – не получишь денег!

– Это нечестно! – воскликнул водитель и повернулся к хозяину заведения, призывая его в свидетели.

– А бросать нас тут честно?

– Я не бросать! Здесь есть такси до Харгейса!

Действительно, водитель отвел их на утрамбованную площадку за деревней, где стояли две потрепанные «Тойоты», игравшие в этих краях роль общественного транспорта. Одна машина оказалась уже забита под завязку и собиралась уезжать, водитель второй зазывал пассажиров, хотя, на взгляд Нади, их уже и так было слишком много.

Четыре разговорчивых чернокожих человека утрамбовались на заднем сиденье, высокая женщина в темно-красной накидке затолкала в багажник «Тойоты» двух жалобно блеющих коз и умудрилась втиснуться пятой на то же сиденье.

– Вы садитесь впереди, – распорядился водитель «мусорного бака». – Это места «люкс»!

Надя и Патрик кое-как втиснулись на переднее сиденье рядом с водителем. При этом колено Патрика уперлось в рукоятку переключения скоростей.

– О'кей? – осведомился таксист.

– О'кей! – кивнул Патрик.

«Тойота» сорвалась с места и помчалась по пыльной ухабистой дороге. При этом каждый раз, когда водителю требовалось переключать скорость, Патрику приходилось поднимать ногу. Вскоре это у него отлично получалось, они с водителем достигли полного взаимопонимания и действовали слаженно, как единая команда.

Старая «Тойота» бодро бежала по выжженной солнцем равнине. То и дело она обгоняла погонщиков ослов и верблюдов, которые двигались в одну сторону – к столице Сомалиленда Харгейсе.

Наконец на равнине стали попадаться признаки цивилизации – груды мусора и хижины, сколоченные из подручного материала – кровельного железа, старых досок и даже распрямленных консервных банок и полиэтиленовой пленки. Скоро хижин стало гораздо больше, и водитель такси гордо объявил:

– Харгейса!

Часть пассажиров выбралась из машины, Патрик же сказал водителю: отель «Амбассадор»! – И такси поехало дальше.

Теперь хижины окружали дорогу со всех сторон. Точнее, дорога превратилась в узкую кривую улочку, со всех сторон стиснутую хижинами и полуразрушенными домами, испещренными следами пуль и снарядных осколков.

– Это следы разрушений, оставшиеся еще с восемьдесят восьмого года, – пояснил Патрик, перехватив взгляд Нади. – Тогда правительственная авиация буквально сровняла город с землей.

– И что – с тех пор здесь ничего не восстановили? – удивленно спросила Надя. – Ведь без малого тридцать лет прошло!

– Жители города решили, что построить город заново дешевле, чем восстанавливать разрушенные дома.

– Что-то я не вижу здесь новостроек!

– Ну, просто тут столько пыли, что новый дом уже через год выглядит так, как будто остался здесь от колониальной эпохи. Впрочем, в центре новостроек будет побольше.

Такси сделало крутой поворот и выехало на площадь, посреди которой стоял на бетонном постаменте заржавленный военный самолет.

– Это «МиГ» советского производства, – пояснил Патрик. – Он поставлен тут как памятник жертвам гражданской войны восемьдесят восьмого года, когда такие же «МиГи» правительственных ВВС буквально стерли мятежную Харгейсу с лица земли.

– Откуда вы так много знаете об этом городе? – осведомилась Надя. – Знаете местную историю, расклад политических сил, даже название местного отеля...

– Да просто в каждом бывшем колониальном городе непременно найдется отель «Амбассадор»!

«Тойота» ловко петляла по лабиринту узких улочек. Наконец водитель затормозил и объявил:

– Отель «Амбассадор»!

При этом на лице его была такая гордость, будто этот отель принадлежал лично ему.

– Ближе подъехать не могу! – добавил водитель, помогая Наде выбраться из машины.

Действительно, дальше можно было пробраться только пешком, да и то с огромным трудом. Вокруг кипело, бурлило и бушевало людское море – рядом с отелем располагался уличный базар.

Как на всяком восточном базаре, здесь было грязно, шумно и многолюдно. Но, если на тех восточных базарах, которые приходилось видеть Наде, торговали фруктами, пряностями, сувенирами и тысячами других товаров, тут на прилавках была разложена в основном поношенная обувь и одежда, разнообразное, мало на что пригодное старье и какие-то странные ветки, связанные в пучки наподобие веников.

– Что это за веники? – удивленно спросила Надя своего спутника.

– О, это – главный здешний продукт, легкий наркотик под названием кат. В Сомалиленде, как в любой мусульманской стране, алкоголь находится под полным запретом, спиртное не достанешь ни за какие деньги даже на черном рынке. Вместо этого местные жители жуют кат, листья вот этого самого кустарника. Его привозят в Сомалиленд из Эфиопии легчики из стран бывшего Советского Союза, в основном украинцы. Доставка ката, торговля катом – это самый прибыльный и вообще самый главный бизнес в Сомалиленде.

– И его продают совершенно открыто?

– Как видите! Мусульманские законы не запрещают кат, а все, что они не запрещают, – разрешено...

– А что это за лакированные расписные палки с крючком продает тот старик?

– А это – хангол, главный инструмент каждого жителя Сомалиленда, негласный символ страны и единственный сувенир, который могут приобрести здесь иностранцы.

– Хангол? – удивленно переспросила девушка. – Никогда не слышала такого слова!

– Не удивительно. Это слово, как и сам инструмент, неизвестно за пределами Сомалиленда. Чтобы понять, зачем нужен хангол и что это такое, нужно объяснить еще одно специфическое местное понятие – зарива.

Зариба – это забор из уложенных друг на друга колючих кустов. Этими заборами местные жители огораживают деревни и загоны для скота для защиты от всевозможных хищников, вороватых обезьян-бабуинов и нежелательных двуногих гостей. Зариба хорошо заменяет изгородь из колючей проволоки, так что такие заборы часто устанавливают на блокпостах. Пробраться через такой забор очень трудно, а строить его – опасно: колючки оставляют на руках глубокие, долго не заживающие царапины и занозы. Здесь и приходит на помощь хангол. Видите, на одном его конце – рогатка, а на другом – крюк. Крюк служит для того, чтобы пригибать колючий куст к земле перед тем, как срубить его топором, а также для того, чтобы стаскивать нарубленные кусты в нужное место. Рогатина же – для того, чтобы придвигать секции колючей ограды друг к другу, уплотняя забор.

– Но они, эти палки, расписные и даже лакированные!

– Ну да, я же говорю: хангол – это не просто инструмент, это важная часть местного быта. Их расписывают традиционными сомалийскими орнаментами, покрывают лаком. Хороший хангол – вещь по местным понятиям довольно дорогая, расписной может стоить пятнадцать-двадцать тысяч шиллингов, а лакированный – даже до тридцати... Ага! А вот это нам нужно... – Патрик протиснулся к прилавку, на котором лежал допотопный фанерный чемодан, на котором красным фломастером был нарисован знак доллара. За этим прилавком стоял, сложив руки на груди, парень в цветастой рубашке.

– Что это? – спросила Надя.

– Обмен валюты, – ответил ее спутник. – Я хочу поменять свои доллары на местные деньги, потому что расплачиваться долларами можно не везде, кроме того, это небезопасно и слишком привлекает внимание местного уголовного мира.

Он что-то сказал меняле. Парень оживился, открыл свой чемодан. Чемодан был доверху набит пачками денег, перетянутыми разноцветными аптечными резинками.

– Ничего себе! Только в кино такое видела! – изумилась Надя. – Полный чемодан денег!

– Ничего удивительного. – Патрик пожал плечами. – При здешнем курсе валют в таком чемодане помещается долларов двести в пересчете на общепринятую валюту.

– Представляю себе, с какими кошельками ходят тут местные толстосумы!

Патрик протянул меняле несколько бледно-зеленых купюр с портретами американских президентов и получил в обмен двадцать пачек местных денег. В качестве бонуса парень дал клиенту полиэтиленовый пакет, в который уложили эти пачки.

Закончив обмен, Надежда со своим спутником протискивались к отелю сквозь шумную толпу продавцов, покупателей и зевак. Скоро их заметили, и со всех сторон потянулись руки – каждый хотел пожать руку удивительным белым людям или хотя бы дотронуться до их одежды, чтобы потом рассказывать своим родичам и соплеменникам, какое чудо сегодня видел. Те, кому не удавалось протиснуться ближе, просто разглядывали белых людей. Со всех сторон доносились жизнерадостные крики:

– Велкам! Велкам ту Сомалиленд! Добро пожаловать в Сомалиленд!

Наконец спутники пробились к дверям отеля.

Отель «Амбассадор» был едва ли не единственным зданием в городе, не носящим следов пуль и осколков. Правда, стены его, как и все вокруг, были густо покрыты красноватой, глубоко въевшейся пылью.

Войдя внутрь, Патрик обратился к долговязому портье:

– Нам нужно два номера.

– Два номера? – переспросил тот, внимательно оглядев путешественников.

– Да, именно два! – повторил англичанин, строгим взглядом пресекая дальнейшие расспросы.

– Фифти саусендс шиллинг! – сообщил портье, вернув на свое лицо приличествующее случаю вежливое безразличие. – Пятьдесят тысяч шиллингов.

Видимо, это была самая распространенная сумма в Сомалиленде.

– А если без паспортов? – осведомился Патрик.

– Семьдесят тысяч, – ответил портье, не моргнув глазом. – Ваш багаж прибудет позднее?

– Совершенно верно! – И англичанин протянул портье смятые купюры.

Через несколько минут Надя вошла в номер.

Он был душным, пыльным, скудно обставленным, но девушка почувствовала себя счастливой: впервые за последнее время у нее имелась своя собственная комната с просторной кроватью, а за хлипкой дверью располагалась самая настоящая ванна!

Надя долго стояла под струями горячей воды, смывая с себя густой слой красноватой пыли и чудовищную усталость, накопившуюся в ее теле и душе.

Фен, конечно, не работал, но рассчитывать на него было бы слишком самонадеянно.

Надя нашла на подоконнике огрызок расчески и долго расчесывала мокрые волосы, глядя в тусклое зеркало. Женщина в зеркале ничем не походила на прежнюю Надю. У той был вечно растерянный взгляд и робкие, неуверенные движения. Надя вспомнила, что даже на стул садилась она всегда с осторожностью, – сначала осматривает, не запачкано ли сиденье, не торчит ли гвоздь, а уж потом аккуратненько сядет. На краешек, чтобы в любой момент вскочить – так, на всякий случай.

Прошло всего двое суток, и теперь из зеркала смотрела на Надю другая, незнакомая женщина. Лицо обветрилось, щеки запали, скулы обострились.

Да уж, нет у нее никакой косметики, умыться толком за эти два дня – и то не могла. Но, как ни странно, эти изменения Надю не портили. Глаза блестели сухим блеском, волосы... вот с волосами, конечно, проблема.

Вода из крана текла чуть желтоватая, жесткая, в ванной нашла Надя обмылок и еще тюбик с какой-то непонятной субстанцией. Пахло противно, надписи не было никакой. Вот и думай – не то это шампунь, не то средство от насекомых. Пришлось пользоваться мылом, и теперь волосы напоминали стог сена.

Отчаявшись что-то с ними сделать, Надя туго закрутила волосы и взяла заколку.

И тут, при свете, увидела, что заколка не такая, какая была у нее. Та была самая обычная, с каким-то восточным орнаментом – не цветы, не листья, не бабочки, в общем, не понять что, Надя и не присматривалась. В общем, ничего особенного, муж купил в сувенирной лавке, когда они отдыхали в Таиланде.

Тогда Олег еще дарил ей подарки... Надя подумала об этом без всякого сожаления, все ее огорчения по поводу сложных отношений с мужем отошли даже не на второй, а на двадцать второй план.

Эта заколка тоже была с замысловатым восточным орнаментом, Надя поднесла ее к свету и отшатнулась. Ей показалось, что на заколке выгравирован клубок змей. Они вытягивали длинные языки, откусывали друг другу хвосты.

Надя выронила заколку, а когда подняла и посмотрела снова, то поняла, что ей все прииделось.

Ничего такого, никаких змей, какой-то восточный орнамент, обычная серебряная штучка, сувенир для туристов среднего достатка. Значит, у них с Надин и заколки были почти одинаковые, Надя прихватила эту из каюты Надин случайно.

Противно пользоваться вещами этой интриганки, но Надя не может себе позволить быть щепетильной. Волосы закалывать можно – да и ладно, потом она заколку выбросит.

Выйдя из ванной, Надя рухнула на широкую кровать и мгновенно провалилась в тяжелый, душный сон.

Ей снилось, что она удирает от кого-то по бесконечной пыльной степи. Она слышит за спиной приближающиеся шаги преследователя, слышит его тяжелое дыхание – но боится оглянуться, боится посмотреть в глаза этому человеку, боится увидеть его лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.